

ИОСИФ
БРОДСКИЙ

МРАМОР

Иосиф Бродский

МРАМОР

Ardis, Ann Arbor

Joseph Brodsky, *Mramor*

Copyright © 1984 by Joseph Brodsky

All rights reserved

Printed in the United States of America

No part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval system or transmitted in any form or by any means, electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise, without the prior permission of the publisher

Ardis Publishers

2901 Heatherway

Ann Arbor, Michigan 48104

ISBN 0-88233-900-1

Library of Congress Cataloging in Publication Data

Brodskii, Iosif, 1940-
Mramor.

I. Title.

PG3479.4.R64M7 1984 891.72'44 84-9245

ISBN 0-88233-900-1

MPAMOP

I АКТ

Второй век после нашей эры.

Камера Публия и Туллия: идеальное помещение на двоих: нечто среднее между однокомнатной квартирой и кабиной космического корабля. Декор: более Палладио, чем Пиранезе. Вид из окна должен передавать ощущение значительной высоты (скажем, проплывающие облака), поскольку тюрьма расположена в огромной стальной Башне, примерно в километр высотой. Окно — либо круглое, как иллюминатор, либо — с закругленными углами, как экран.

В центре камеры — декорированная под дорическую колонна — или опора: внешняя сторона ствола, внутри которого — лифт. Ствол этот проходит через всю Башню, как некий стержень или ось. Он и в самом деле стержень: все, появляющееся в течение пьесы на сцене, и все, с нее исчезающее, появляется или исчезает через находящееся в этом стволе отверстие, являющееся помесью ресторанного лифта и мусоропровода. Рядом с этим отверстием — дверь главного лифта, которая открывается только один раз: в начале 3-го акта. По обе стороны ствола — альковы Публия и Туллия. Все удобства — ванна, стол, умывальник, нужник, телефон, телеэкран, вмонтированный в стену, стеллажи с книгами. На стеллажах и в стенных нишах — бюсты классиков.

Полдень.

Публий, мужчина лет тридцати-тридцати пяти, полный, лысеющий, прислушивается к пению канарейки в клетке, стоящей на подоконнике. Со времени поднятия занавеса проходит минута, в течение которой слышно только пение канарейки.

Публий. Ах, Туллий! Как сказано у поэта, что, должно быть, слышит в Раю Господь, если здесь, на земле, нас ласкают такие звуки.

Туллий, лет на десять старше Публия, сухощавый, поджарый, скорее блондин. В момент поднятия занавеса лежит в ванне, из которой поднимается пар, читает и курит.

Туллий (*не отрываясь от страницы*). У какого поэта?

Публий. Не помню. Кажется, у персидского.

Туллий. Варвар. (*Переворачивает страницу*).

Публий. Ну и что ж, что варвар?

Туллий. Варвар. Армяшка. Черный жоп. Вся морда в баранине.

Пауза; пение канарейки.

Публий (*подражая птичке*). У-ли-ти-ти-тююю-у...

Туллий (*поворачивает кран; шум льющейся воды*).

П у б л и й. У-ли-тит-ти-тююю-уу.. Туллий!

Т у л л и й. Ну?

П у б л и й. У тебя от пирожного ничего не осталось?

Т у л л и й. Посмотри в тумбочке... Свое-то, небось, сожрал. Друг животных.

П у б л и й. Я, Туллий, понимаешь, совершенно случайно. Я не хотел. Пирожное было так неожиданно. Поэтому я и не мог его хотеть. Я как раз хотел оставить. Вернее, уже потом, когда съел, захотел. Это же было так внезапно! Сколько сжигу, сроду пирожных не видел.

Т у л л и й. И уже не увидишь. Этого, по крайней мере.

П у б л и й. Да? Почему?

Т у л л и й. Читай инструкцию. *(Швыряет книгу на пол, потягивается в ванне)*. У них там компьютер. Составляет меню. Повторение блюда возможно раз в двести сорок три года.

П у б л и й. Почем ты знаешь?

Т у л л и й. Я сказал: читай инструкцию. Там все сказано. Том шестой, страница тридцатая. Буква «П» — Питание... Советую ознакомиться.

П у б л и й. Я не мазохист.

Т у л л и й. Ну, мазохист или нет, а пирожного, душка Публий, ты больше не увидишь. До конца своих дней. Если только ты не Агасфер.

П у б л и й. К сожалению... То есть, что я?! к счастью.

Т у л л и й. Залезь в тумбочку. Бедная канарейка...

Публий направляется к алькову Туллия, открывает тумбочку, роется в ней; извлекает кусок пирожного, смотрит на него некоторое время; потом неожиданно быстро съедает.

Т у л л и й *(возмущенно кричит, вылезая из ванны)*. Что ж ты, сука, делаешь! Это же для канарейки! *(Внезапно успокаиваясь)*. Впрочем, так я и думал. Вечно одно и то же. *(Залезает обратно в ванну)*. Сначала киску уморил, потом рыбок. Потом зайчика. Теперь, значит, за канарейку принялся...

П у б л и й *(взволнованно)*. Это неправда, Туллий! Я не хотел...

Т у л л и й *(приподнимаясь на руках из ванны)*. А ты подумал, что птичка может никогда и не видела пирожного?

Публий, совершенно подавленный, бредет к окну, стучит пальцем по клетке.

П у б л и й. У-ли-ти-ти-тююю-у...

Канарейка безмолвствует.

У-ли-ти-ти-тююю-у... что же теперь делать, а? Подождем до обеда, а?

(Разговаривает сам с собой.) Хотя обед — что ж — у них там всегда что-нибудь такое — деликатесы — чтоб желудок действовал — ни разу не было, чтоб не захотелось — это чтоб мы жили дольше — сколько сижу, ни разу еще запора не было — — — да-а-а, компьютер — выпустить тебя, что ли? (Пауза.) Туллий!

Туллий. Ну чего?

Публий. Может, выпустить ее, а?

Туллий. Давай.

Публий. Но, с другой стороны, она ведь поет.

Туллий. Иди в жопу.

Пауза: Публий подходит к телефону, снимает трубку, набирает номер.

Публий. Господин Претор? Это Публий Марцелл из 1750-го. Тут у меня, знаете ли, птичка. Да, канарейка. Так вот, нельзя ли там проса или конопля... Да-да, лучше проса. Что-о? Включите в вес моей порции? То есть, второе будет на сто грамм меньше? Но позвольте... Ах та-а-к! Да. Отказываюсь. (Бросает трубку.) Черт!

Туллий. В чем дело?

Публий. Блядский лифт!.. Работает, видите ли, на определенных режимах, ни больше, ни меньше... Говорит, споловиню второе. Претор. Сука.

Туллий. А что у нас нынче на второе?

Публий (нажимая кнопку пульта в изголовьи своей постели и быстро сверяясь с текстом на экране). Петушиные гребешки.

Туллий. С чем?

Публий. С хреном.

Туллий. Н-да.

Публий. Раз в жизни.

Туллий. Садисты.

Публий. Особенно претор.

Туллий. Претор ни при чем. Все дело в лифте. Вниз — дерьмо, вверх жратва. В строгой пропорции. Вечный двигатель... Хотел бы я только знать, с чего начали.

Публий. То есть?

Туллий. Что было раньше. Курочки или яйца.

Публий. Это самое я и спрошу у Господа. На Страшном Суде.

Туллий. Варвар.

Публий. Я пошутил.

Туллий. Все равно варвар. Все клерикалы варвары. Даже сомневающиеся. Особенно они. Дай телефон.

Публий. Пожалуйста. (Передает трубку Туллию.)

Туллий. Алло. Господин Претор. Это Туллий Варрон из 1750-го. Зачем вы посадили мне в камеру варвара? Он верит в Бога. Вернее,

не верит. Но тоже в Бога. Куда смотрел Комитет? Этот человек не римлянин. Да, произошла ошибка. Нет, больше жалоб нет. Ах вот как! Господин Претор, вы — говно. Я буду жаловаться в Сенат. Да, изыщу способ. (*Вешает трубку.*)

П у б л и й. Что он сказал?

Т у л л и й. Ничего, говорит, не поделаешь. Исповедание, говорит, не критерий. Как и отсутствие оного.

П у б л и й. А что — критерий?

Т у л л и й. Физическое присутствие, грит, в пределах Империи, плюс отсутствие альтернативы. То есть, если больше податься некуда. Согласно, грит, последнему декрету, распространяется на млекопитающих.

П у б л и й. Я ж тебе сказал, что он сука.

Т у л л и й. Нет, Претор тут ни при чем. Это все штучки Калигулы. Думает, что если он тезка, то может... Плюс Комитеты тоже совершенно разложились. В Сенатскую комиссию по гражданским правам ввели лошадь. Сеяна Буланного. Я не спорю: наш Сенат всегда был самый представительный. За всю человеческую историю. Должен же кто-то, наконец, защищать интересы животных... Но гражданские права! Буланнный утверждает, что данные вычислительного центра, полученные при Тиберии, устарели.

П у б л и й. То есть?

Т у л л и й. То есть, то есть!.. То есть, было установлено, что во все времена — при фараонах, в Греции, в Риме, в эпоху христианства, у мусульман, у косоглазых — ну и так далее — что во все времена под замком находится примерно 6.7 процента на каждое поколение.

П у б л и й. Ну и не так уж чтобы навалом...

Т у л л и й. Столько, сколько надо... И на основании этих данных, Тиберий раз и навсегда установил у нас количество заключенных. Вот подлинная реформа правосудия! Да? Но Тиберий пошел еще дальше. Эти самые 6.7 процента он сократил до 3-х процентов. Потому что у них там разные срока в ходу были. У христиан, например, червонец популярен был; четвертак тоже. В общем, Тиберий вывел среднее арифметическое и, отменив смертную казнь, издал указ, по которому мы все...

П у б л и й. То есть, эти 3 процента?

Т у л л и й. Да, по которому эти 3 процента должны сидеть пожизненно. Независимо от того, натворил ты делов или нет. Своего рода, налог. Сенат его, натурально, поддержал, и комиссия по гражданским правам организовала комитет, который как раз следит за тем, чтоб не возникло системы в арестах. Так теперь этот Сеян Буланнный мутит воду и настаивает на пересмотре данных вычислительного центра.

П у б л и й. Каким образом?

Т у л л и й. Понятия не имею, каким образом. Просто ржет... *(Имитирует конское ржание.)* Гражда-аа-аа-аа-анские... Пра-аа-аа-ваа... *(Пауза.)* У них же там везде электронные интерпретаторы. Отходы космических программ. Черт бы их подрал.

П у б л и й. А он что — считает, процент должен быть выше или ниже?

Т у л л и й. Понятия не имею. Скорее всего, ниже: играет в либерала.

П у б л и й. Ну, это не так уж плохо.

Т у л л и й *(кричит)*. А что в этом хорошего? Что в этом хорошего?

П у б л и й. Ну — как?.. Просторней все же будет... А то напихают всякого дерьма...

Т у л л и й. Да ведь если не напихают, то все равно — дерьма! И кому нужен простор — в камере. Подумай сам! Простор — в камере. Не путай с частной квартирой.

П у б л и й *(задумчиво)*. Это легче легкого: превратить квартиру в камеру. И камеру в квартиру.

Т у л л и й. Вот именно!

П у б л и й. Ну-ну, Туллий, не нервничай. Вряд ли Сенат его послушает.

Т у л л и й *(мрачно)*. Очень может быть. Он же воевал в Ливии. Заслуги. Кроме того, они там все на либералах отключаются... Калигула так тот просто кипятком ссыт, когда слышит, как его лошадь витийствует.

П у б л и й. Кто — кипятком? Он — или его лошадь?

Т у л л и й. Какая разница. Где моя тога?

П у б л и й. Там, где ты ее бросил *(Тычет пальцем в сторону алькова Туллия.)* Если ты уже всё, не спускай воду. *(Начинает раздеваться.)*

Т у л л и й. Варвар, помешался на экономии.

П у б л и й. Я? Если я что и экономлю... Если я что и экономлю, так только время... Что же до помешательства, то весь Рим помешан на своем водопроводе. Верней, замешан. Думаешь, не понимаю? Тибру давным бы давно крышка была, пользуйся мы его услугами. Водопровод наш тем и замечателен, что количество воды в нем постоянно! От Тибра независимо. Физика! Сообщающиеся сосуды! все дело в системе фильтров. *(Забирается в ванну к Туллию.)* Как сказано у поэта: «Дважды в ту же струю не ступишь.» Чепуха. Очень даже ступишь. *(Наслаждается.)* А-а-а-а....Аква... АшДваО... Заметь: не больше и не меньше... Разве что испаряется... Или когда вытираешься... И то вряд ли... Ведь полотенце потом в стирку идет — и вытертое-то возвращается... Убежден, что наша башня еще и водонапорная.

Т у л л и й. Говорят.

П у б л и й. И убежден, что кто-то — когда-то — в этой воде — уже мылся. Что-то чувствуется в ней... не то, чтоб родное — знакомое.

Т у л л и й. Может, и Калигула в ней мылся.

П у б л и й. И Тиберий.

Т у л л и й. И Сеян...

П у б л и й. Если б фильтры говорить умели... *(Пауза.)* И моя жена в ней мылась... И твоя.

Т у л л и й. Что ты хочешь этим сказать?!

П у б л и й. Да нет, не это... И дети тоже. Вода — везде вода. Что в квартире, что в камере. Сообщающиеся, говорю, сосуды.

Т у л л и й. Для кого — сообщающиеся, для кого — нет.

Пауза.

П у б л и й. Странное это дело, Туллий: я же знал, что это может случиться. Еще когда был ребенком — знал. Все мы знаем. Тем более, что мой отец не сидел. И дед тоже. И все-таки не предполагал. Завел семью, детишек...

Т у л л и й. Ну-ну, Публий... Это же значит только, что комитет наш на высоте.

П у б л и й *(изумленно)*. Это — как?

Т у л л и й. А так, что сажают только после того, как произведешь потомство. Примерно как раз, когда жена уже надоедает. Когда вообще уже почти все смысл теряет. Когда слово «пожизненно» смысл приобретает. Не раньше... Компьютер все-таки.

П у б л и й. Да. Техника...

Пауза.

Чего читаешь-то?

Т у л л и й. Горация.

П у б л и й. Ну и как?

Т у л л и й. Классик. Разве что чересчур восторженный. Как все предки.

П у б л и й. Бюст что ли его заказать?

Т у л л и й. Тем более, что кормить не надо.

П у б л и й. А канарейку куда?

Т у л л и й. Выпустим. А то от голода сдохнет. Либо — от воздуха разряженного.

П у б л и й. Жалко.

Т у л л и й. Жалко выпускать или жалко, что сдохнет?

П у б л и й. И — и... Выпускать тоже. Полетит, понимаешь, на все четыре... то есть, триста шестьдесят... Лишние мысли опять же... Мы-то тут — до конца дней. Нас-то, вишь, никто не выпустит. Для нас тут

— жизнь. Смысл. Чего ж ей-то надо. Она ж тварь, у нее даже мозгов нет. Клюв один... Жалко выпускать.

Т у л л и й. Так ведь содохнет.

П у б л и й. А мы — нет? Мы, Туллий, тоже. Нас кто пожалеет? А? Она, что ли? Чем? У нее, говорю, и мозгов-то нет... А и были б, так сколько? на нас двоих их бы хрен хватило...

Т у л л и й. Не веришь, значит, в миниатюризацию...

П у б л и й. Не в том дело... А мы ее пожалеем. И, с другой стороны, поет.

Пауза.

Т у л л и й. Когда ты содохнешь, я тебя пожалею. Если все дело в размере по-твоему.

П у б л и й. *(обнимая Туллия).* Пожалей лучше сейчас...

Т у л л и й. Не лапай!

П у б л и й. Лучше сейчас пожалей, Туллий!

Т у л л и й. Прими руки, кому говорю.

П у б л и й. Так я ж ничего...

Т у л л и й. Ничего? А это чей член? У тебя эрекция. *(Вылезает из ванны.)* Где моя тога?

П у б л и й *(устраиваясь поудобнее в ванне).* Вот цена твоим словам. «Пожалею». Как же! Знаю я, как ты меня пожалеешь. Меня — в мусоропровод, а на мое место — какого-нибудь кретина. Я — вниз, он — вверх.

Т у л л и й. А лифт только так и работает. Принцип весов. Символ правосудия.

П у б л и й *(продолжая свое).* Будешь с ним лясы точить... Может, даже это... за бока хватать... Молодой если... Главное — главное, ведь дерьмо же какое-нибудь будет... сам говоришь... пастух там, или ликтор... Но обо мне уже ни хрена не вспомнишь... Вроде как и не было. С глаз долой, из сердца вон. Так сказать, переменим простыни.

Т у л л и й. Вот это — точно

П у б л и й. Ну да, так спокойнее. Инстинкт самосохранения плюс хватки стойка. Что, впрочем, одно и то же. При полной поддержке со стороны Претора. И когда полностью самосохранишься, тут-то тебя в мусоропровод и затолкают.

Пауза.

Т у л л и й *(кутаясь в тогу).* Все там будем.

П у б л и й. Ну да, понимаю. Ты — выше этого.

Т у л л и й. Главное — чтоб процент соблюдался.

П у б л и й. Гражданин, Опора государства. *(Пауза.)* Дерьмо

собачье.

Т у л л и й. Сам ты дерьмо. Варвар. Может быть, даже христианин. Смерти боишься. Какой ты римлянин!? Семья, детишки... жопа! Все это варварство, понял. Тоска по свободе! Что ты знаешь о свободе? Бабы и все. Предложи тебе сейчас гетеру харить или на койке гнить, — ты бы что выбрал?

П у б л и й. Гетеру, понятно.

Т у л л и й. Ага, вот видишь! Для тебя тут есть разница. А разницы нет, Публий! Разницы нет. Дни идут! Все дело в том, что дни идут. Чем бы ты ни занимался, ты стоишь на месте, а дни идут. Главное — это Время. Так учил нас Тиберий. Задача Рима — слиться со временем. Вот в чем смысл жизни. Избавиться от сантиментов! От этих ля-ля о бабах, детишках, любви, ненависти. Избавиться от мыслей о свободе. Понял? И ты сольешься со временем. Ибо ничего не остается, кроме времени. И тогда можешь даже не шевелиться — ты идешь вместе с ним. Не отставая и не обгоняя. Ты — сам часы. А не тот, кто на них смотрит... Вот, во что верим мы, римляне. Не зависеть от времени — вот свобода. А ты варвар, Публий, грязный варвар. И я б убил тебя, если б не знал, что на твое место тотчас пришлют другого. И, может, еще большего варвара. Особенно теперь, когда в Комитет провели Сеяна.

П у б л и й (*переворачиваясь на бок в ванне*). Тогда что ж... может, мне с собой покончить, а? На римский манер: прямо здесь, в ванне. Как Сулла.

Т у л л и й. Все равно пришлют. (*Пауза.*) Сам знаешь: лифт.

П у б л и й. Елки-палки.

Пауза.

Т у л л и й. Как сказано у поэта: «Постум, Постум, увы, / Бегут летучие годы...»

П у б л и й. Кто это сказал?

Т у л л и й. Гораций.

П у б л и й. Елки-палки. Передай-ка мне телефон.

Т у л л и й. Пожалуйста.

П у б л и й. Господин Претор? Это Публий Марцелл, из 1750-го. Будьте любезны, бюст поэта Горация к нам в камеру. Да, Горация. Го-ра-ция. (*В сторону, Туллию.*) По буквам...

Т у л л и й. Гомер, Овидий, Рамзес, Ахилл...

П у б л и й. Гомер, Овидий, Рамзес, Ахилл...

Т у л л и й. Цезарь, Иегова, Язон.

П у б л и й. Цезарь, Иегова, Язон... Да, Квинт Гораций Флакк. Что, не много ли места займет? Какая разница, г-н Претор? Да, тюрьма есть недостаток пространства, возмещенный избытком вре-

мени... Да, чем раньше, тем лучше. А что вниз?

Т у л л и й. Шахматы.

П у б л и й. А вниз шахматы... Премного благодарен, г-н Претор.
(*Вешает трубку.*) Сука этот Претор. Невежда.

Т у л л и й. Хорошая должность.

П у б л и й. Чем же?

Т у л л и й. Ну... болтать по телефону. Всего и делов.

П у б л и й. Н-да. Тысяча сестерциев. Все казенное. Забот никаких.
Знай плодись да за компьютером присматривай. Дурак я, что не нанялся, когда была вакансия.

Т у л л и й. Все равно бы не взяли.

П у б л и й. Это почему?

Т у л л и й. У тебя ж в роду никто не сидел. Таких на государственную службу не принимают. Претором, сенатором, консулом может стать только человек, у которого... чьи предки побывали в Башне. Хоть в четвертом колене. На кой Риму чиновник, которого в один прекрасный день... И подумай сам: какой из тебя сенатор, если у тебя в перспективе — Башня?

П у б л и й. Что да, то да.

Т у л л и й. Одно утешение: дети в люди выйдут. (*Пауза.*) Сына-то как назвали?

П у б л и й. Октавианом.

Т у л л и й. Звучит... Быть ему претором. Или сенатором. Может, даже консулом станет. А то, глядишь, и принцепсом. Красивое имя — залог успеха. Полдела. Молодец был Тиберий, когда запретил святцы. Ну какой принцепс из Федота? Или хуже того — Стэнли? Это же курам на смех. То ли дело — Октавиан!.. Так же хорошо, как Тиберий. Я своего старшего Тиберием назвал.

П у б л и й. А младшего?

Т у л л и й. Тоже Тиберием. И среднего...

П у б л и й (*задумчиво*). Что ни говори, большой был человек Тиберий... Где бы мы все были, если б он Империю не придумал...

Т у л л и й. ...и столицу бы в Рим не переименовал... Гнили бы понемногу. Задворки Европы.

П у б л и й. Ну, это уже кое-что. (*Пауза.*) Как погода?

Т у л л и й (*подходя к окну и заглядывая вниз*). Низкая облачность. Ни черта не видно. Облачность... Может, в Риме сейчас дождь.

П у б л и й. Посмотри градусник.

Т у л л и й (*не меняя позы*). Наш или наружный?

П у б л и й. Наружный.

Т у л л и й. Плюс десять по Цельсию.

П у б л и й. Холодновато.

Т у л л и й. А какая тебе разница? Градусник-то наружный.

П у б л и й. Не имеет значения. Все равно — градусник. (*Пауза.*)

Неужели дождь сейчас в Риме?..

Туллий. Тебе-то что?

Публий. Я римлянин... Хотя бы уже потому, что тут нахожусь...

Пауза.

Туллий. Все мы теперь римляне. *(Глядя на градусник.)* Зачем только они его сюда повесили. Садисты.

Публий. Когда я воевал в Галлии, к нам однажды в когарту бордель привезли. Так бандерша ихняя, сука, знаешь до чего додумалась? Приделала к пружинам матраца таксометр. Представляешь?

Туллий. Ты, значит, все о бабах...

Публий. Да нет, одного легионера вспомнил: не хватило у него. Пары сестерциев. Больно здоровый был. Так у него рожа была, как у тебя сейчас. Точь-в-точь.

Туллий. На себя посмотри, грызло. *(Берет с полки книжку и заваливается на постель.)*

Публий *(рассуждает вслух)*. Плюс десять. Высота — полкилометра над уровнем моря. Это если Капитолийского холма не считать. С ним, думаю, все семьсот получаются. Итак, семьсот равняется плюс десять. В Риме, стало быть, градусов на пять теплее. Дождь если там, значит, что — теплый. Вода в Тибре — мутная-мутная. Как сказано у поэта. Люди бегут, кошки в окнах мяукают. Башню не видно. Во время дождя никто не думает о Башне... Что значит — архитектура... Я бы в Сенат пошел. Чудное это дело — во время дождя в Сенате сидеть, слушать, как законы обсуждаются. Голосовать... Я бы, конечно, был «за». Неважно даже, за что. А кто-нибудь был бы «против». Какая разница? На то и демократия. Я по натуре — позитивист. И когда руки поднимаются, по всему залу — дух такой волной идет. Подмышками... Даже еще и приятней, когда с меньшинством голосуешь... Э-эх, только подумать: сидишь себе в Сенате — на улице дождь — тут тепло — поднимаешь руку... *(Пауза. Поднимает руку, принимает.)* ...демократия... Туллий!

Туллий. Отстань.

Публий. Все читаешь... Прошлым интересуешься. Конечно, при таком количестве истории, какое уж тут настоящее. Тем более, будущее. Даже географии ни хрена не осталось. Просто — колонии: части Империи. Куда ни плюнь. Даже если и независимыми ставшие... Топография только и осталась. Вниз-вверх... Читай, читай... Когда все прочтешь... Книжки-то на полке останутся, а тебя в мусоропровод спустят. Как сказано у поэта: Дольче эт декорум эт про патрия мори. Сладостно и почетно умереть за отчизну. Н-да...

дольче.

Т у л л и й. В самом деле, что у нас нынче на сладкое?

П у б л и й. Хорошо бы опять пирожное.

Т у л л и й. Опять, говорят тебе, не бывает.

П у б л и й. Н-да, все повторяется, кроме меню.

Т у л л и й. Ты бы, конечно, наоборот предпочел.

П у б л и й. А то нет!

Т у л л и й. Я и говорю; варвар. *(Захлопывает книгу и встает.)*

П у б л и й. Да причем тут варвар?! Чего ты лаешься все время.

Варвар! Варвар. Как собака гавкает...

Т у л л и й. А притом, что истинный римлянин не ищет разнообразия. Истинному римлянину — все равно. Истинный римлянин единства жаждет. Так что, меню разное — это даже лажа. Меню должно быть одинаковое. Как и дни. Как само время... Послабление это: со жратвой у нас. Нет еще полного единства. Но, видать, грядет.

П у б л и й. Как же так — все равно? Пирожное равно отсутствию пирожного, что ли?

Т у л л и й. Ага. Потому что *sub specie aeternitatis* отсутствие равняется присутствию вообще. То есть, истинный римлянин разницу за подлянку считает. Так что меню лучше если одинаковое.

П у б л и й. Пирожных не напасешься. Или — их отсутствия... Н-да... Дольче эт декорум.

Т у л л и й. Сладостно и почетно... Грядет все-таки единство. Стиля — то есть. Ничего лишнего. С нас, можно сказать, и начинается...

П у б л и й. Да? а сам канарейку пожалел.

Т у л л и й. Не пожалел, а оставил.

П у б л и й. Ну это одно и то же...

Т у л л и й. Отнюдь. *(Задумчиво)*. И вообще жалко, что это — канарейка, а не, скажем, оса.

П у б л и й. Оса?! Какая оса?!

Т у л л и й. Потому что — миниатюризация. Сведение к формуле. Иероглиф. Знак. Компьютерные эти... как их. Ну когда все — мозг. Чем меньше, тем больше мозг. Из силикона.

П у б л и й. Туллий!

Т у л л и й. Как у древних... То есть, я хочу сказать, что например, оса, если поймать ее в стакан и блюдцем накрыть...

П у б л и й. Ну?

Т у л л и й. ...то она там, как гладиатор в цирке. То есть, без кислорода. И стакан — он вроде Колизея, в этой, как ее, миниатюре. Особенно если не граненый.

П у б л и й. Ну и что?

Т у л л и й. А то, что канарейка — слишком большая. Почти

животное. Не годится по стилю. В смысле — эпохи. Много места занимает. А оса — маленькая, но вся — мозг.

П у б л и й. Да какое там место! Клетка же.

Т у л л и й. Тавтология, Публий. Тавтология. И тебе бы больше осталось.

П у б л и й. Ну, осы ты тут не дождешься. И вообще — жалятся.

Т у л л и й. Это все же честней, чем чирикать; в данных обстоятельствах. И вообще — летать перестала. Зажралась.

П у б л и й (*ощупывая свой живот*). Да, птичке сто грамм прибавить это не то, что нашему брату... Я, может, и пирожное из этих соображений...

Т у л л и й. И то сказать — отлетался.

П у б л и й. Одно утешение: в мусоропровод не пролезу. Хлопот со мной, Туллий (*ощупывает свою талию*), не оберешься. Еще пожалеешь, когда скончаюсь.

Т у л л и й. У них там сечка, Публий. Сечка-дробилка. Принцип мясорубки с мотивом Тарпейской скалы: в указе так и сказано. Я помню, указ этот читал — еще мальчиком. А то бы народ бегал. И после сечки этой — крокодилы...

П у б л и й. Я тоже, помню, читал, что раньше, когда еще свидания давали, многие шары себе под кожу в член вшивали, чтоб диаметр увеличился. У члена же главное не длина, а диаметр. Потому что ведь баба, пока сидишь, с другими путается. Ну и отсюда идея, чтоб во время свидания доставить ей такое... переживание, чтоб она про другого и думать не хотела. Только про тебя. И поэтому — шары. Из перламутра, говорят, лучше всего. Хотя, подумать если, откуда в зонах этих ихних перламутру взяться было? Или из эбонита, из которого стило делали. Выточить себе шарик напильничком, миллиметра два-три в диаметре — и к херургу. И херург этот их тебе под кожу загоняет. Крайняя плоть которая... Подорожник пару дней поприкладываешь — и на свидание... Некоторые даже на свободу выйдя, шарик эти не удаляли. Отказывались...

Т у л л и й. То-то Тиберий свидания и отменил.

П у б л и й (*кричит*). А чего ему жалко?! Если человек раз в год!.. тем более, если — пожизненно?! Жалко ему стало, да? (*Успокаиваясь.*) Это же придумать надо: раз в год человеку палку кинуть пожалеть. Это же надо придумать!

Т у л л и й. Да уж всяко лучше, чем сирот плодить.

П у б л и й. Тогда нечего легионы в Ливию посылать. И в Сирию. И в Персию.

Т у л л и й. Это разные вещи. Дольче эт декорум эст... Сладостно и почетно...

П у б л и й. Палку кинуть тоже сладостно.

Т у л л и й. Вот и отменили, чтоб ты не смешивал.

П у б л и й. Сладостное с почетным?

Т у л л и й. Приятное с полезным, Публий... Свидания всей этой идее правосудия противоречат, всему принципу Башни. А палка тем более. Палка есть как бы побег из Башни.

П у б л и й. Какой же побег? Мы же тут пожизненно.

Т у л л и й. Да не о тебе речь, Публий. Неужто ты не понимаешь. Не о тебе: о сперме твоей. Это и есть побег. Верней, утечка. Научись мыслить абстрактно, Публий. Дело всегда в принципе. В идее, которая заложена в вещи, а не в вещи как таковой. Раз пожизненно — то пожизненно. Жизнь есть идея. Сперма — вещь.

П у б л и й (*кричит*). Но я же все равно спускаю! (*Успокаиваясь*.)
Вон вся тумбочка желтая.

Т у л л и й. Потому и отменили, чтоб не смешивал.

П у б л и й. Чего не смешивал?

Т у л л и й. Идею с вещью. А тумбочку мы другую выпишем. Если конечно, ты к этой не привязался.

П у б л и й (*смерив тумбочку взглядом*). Нет, не думаю.

Т у л л и й (*снимая трубку*). Алло, г-н Претор. Это Туллий Варрон из 1750-го. Ага, опять. Не могли бы вы прислать нам новую тумбочку? Да, лучше из хромированного железа. Да, старая — как бы получше выразиться — проржавела... Да, только одну... Премного благодарен, г-н Претор. Пардон? Лебединая песня? Что? Какой еще бес в ребро? Это я для г-на Публия Марцелла заказываю. Что? Да, он смущается. Премного благодарен. (*Вешает трубку*.) Будет тебе новая тумбочка.

П у б л и й. Спасибо.

Т у л л и й. Не за что.

П у б л и й. (*Глядя на тумбочку*.) Сразу ее, что ли?..

Т у л л и й. Лучше сразу. С глаз долой — из сердца вон. Помочь?

П у б л и й (*ревниво*). Нет! Я сам.

Т у л л и й. Как знаешь... Тяжелая только... И что ты в ней нашел?
Тем более — квадратная.

П у б л и й. А того и нашел, что квадратная. Ты вокруг посмотри. Все круглое. Обтекаемое. Довели модернисты Рим до ручки... В квадратном-то есть что-то доверие внушающее. Старорежимное. Сумма углов. Идея верности. Есть за что зацепиться. Красное дерево. Мебель! Инициалы можно вырезать.

Т у л л и й. Ну да, или: «Публий плюс Тумбочка. Равняется любовь». Хотя татуировка еще лучше будет. Зависит, конечно, где.

П у б л и й (*задумчиво*). Да, татуировка, конечно, естественней. (*Начинает двигать тумбочку*.) Ничего нет естественней, чем татуировка. Особенно, если пожизненно.

Т у л л и й. Помочь?

П у б л и й (*кряхтя*). Ничего, я сам.

Т у л л и й. Сам, сам... Смотри, не надорвись.

П у б л и й (*кряхтя*). Завидно, небось? Что человек делом занят... Нет уж, я лучше сам.

Т у л л и й. Ревнивый, значит. И наверно щекотки боишься. Все ревнивые щекотки боятся.

П у б л и й. Повторяешься, Туллий. (*кряхтя*) Пов-то-ряешь-шь-шь-ся. Я это уже слышал... С другой стороны...

Т у л л и й. Да, возьми ее с другой стороны. Слева.

П у б л и й. С другой стороны, как и не повторяться, если пожизненно. До известной степени (*кряхтя*) до известной степени, все, что ты можешь сказать (*кряхтит*)... Все, что может быть сказано... Уже сказано. Тобой или мной. Я уже это — слышал. Или — уже сказал. Разговор, до известной степени, это и есть татуировка (*передразнивая Туллия*) «Помочь?» «Я тебя пожалею.»

Т у л л и й. Как, впрочем, (*передразнивая Публия*) и «Нет, я сам». Я это тоже слышал. И столько раз. Как в записи. Точно магнитофон или телекамера. Или — хуже того — на бумаге.

П у б л и й. А письменность и есть татуировка. Черным по белому. Еще неизвестно, что первым было. Вначале то есть. Особенно — если слово.

Т у л л и й. Варвар и есть. Начитался Писания.

П у б л и й (*запальчиво*). А зачем тогда записывают! (*тыча пальцем в потолок и в стороны*) Пленку переводят. Электричество.

Т у л л и й (*миролюбиво*). Может и не записывают. Может, просто транслируют. Помочь?

П у б л и й (*вздрагивает и — нерешительно*). Ладно, возьми ее слева. Я справа, а ты слева. Если не брезгуешь.

Т у л л и й. Да чего там! Справа и возьму. Даже хорошо, что квадратная. Многосторонняя. Переносить удобнее.

П у б л и й. Тем и жальче (*кряхтя*) выбрасывать. Потому что многосторонняя.

Т у л л и й. Ну да, воображение разыгрывается. Варианты... Задняя стенка вон совсем нетронутая. Не то что если круглая.

(перетаскивают тумбочку к мусоропроводу)

П у б л и й. Круглое тоже ничего. Колонну напоминает. Тело вообще. И капители эти как локоны. Если долго смотришь, особенно. Я когда молодой был, у меня на колонну вставал.

Т у л л и й. А теперь, значит, на квадратное.

П у б л и й. Интересно, что раньше было: квадратное или же круглое. То есть, что естественней: круглое или квадратное.

Т у л л и й. И то, и другое, Публий, искусственное.

П у б л и й (*останавливается как вкопанный*). Тогда — что же

было вначале? Треугольник, что ли? Или — этот — как его — ромб?

Т у л л и й. Вначале, Публий, сам знаешь, было слово. И оно же будет в конце. Если, конечно, успеешь произнести.

П у б л и й. В конце будет нечто квадратное. Во всяком случае, четырехугольное.

Т у л л и й. Если, конечно, не кремируют. Урны они тоже разные бывают.

П у б л и й. От претора зависит... Возьми ее слева.

Т у л л и й. Тут?

П у б л и й. Ага. Осторожно руку.

(поднимают тумбочку и засовывают ее в отверстие мусоропровода)

Т у л л и й *(кряхтя)*. Э-э-х...

П у б л и й *(кряхтя)*. Э-э-э-х...

Т у л л и й. Пошла-поехала...

П у б л и й. Голубушка...

Т у л л и й. С глаз долой, из сердца вон...

(тумбочка исчезает)

П у б л и й *(продолжая смотреть в отверстие мусоропровода)*.

Это я уже слышал.

Т у л л и й. Не расстраивайся.

П у б л и й. И это тоже.

Т у л л и й. Считаю, что ты столкнул ее за борт. И что мы на корабле.

П у б л и й *(кричит, затыкая себе уши)*. Заткниинись! *(Опомнившись)*. Я уже это слышал. В прошлом году. Или в позапрошлом. Не помню. Неважно. Не в словах дело: от голоса устаешь! От твоего — и от своего тоже. Я иногда уже твой от своего отличить не могу. Как в браке, но хуже... Годы все-таки...

Т у л л и й. Ну да. И отсюда — эрекция... Ладно... Руки пойти помыть... Тебе бы тоже не мешало...

П у б л и й *(затыкает уши)*.

(Пауза. Туллий уходит в ванную, моет — шум падающей воды — руки, возвращается и возобновляет прерванное чтение. Публий некоторое время смотрит в окно, оставляя заткнутыми уши; поворачивается и возвращается в свой альков. Садится на край постели и долго смотрит на то место, где стояла тумбочка. Проводит пальцем по полу и подносит палец к глазам: пыль. Чертит что-то снова пальцем по полу. Смотрит. Потом стирает ногой начертанное. Подносит палец к лицу: пыль. Встает, крякнув. Идет к умывальнику и споласкивает руки. Долго их вытирает. Подходит к клетке с канарейкой. Открывает дверцу. Канарейка не вылетает. Захлопывает дверцу, потом открывает снова. Поворачивается и отходит к весам. Встает на весы и взвешивается. Весьма тщательно. Скидывает тогу и взвешивается

опять. Надевает тогу, сходит с весов, возвращается в свой альков. Садится и записывает результаты взвешивания.)

Тога-то, Туллий, знаешь, все полкило потянет...

Туллий. М-м-м-м. *(Продолжает читать.)*

Публий. ...четыреста сорок грамм, если быть точным. Байка потому что. Хотя — если вдуматься — к чему здесь тога? Температура постоянная. Компьютеры все-таки. Что называется, нормальная: на десять градусов ниже тела. О гостях тут и речи нет. Даже о надзирателях... Сами в гости тоже не ходим... Излишество. Только вес замерять точно мешает. Туллий!

Туллий. Ну чего?

Публий. На кой нам тоги? Проку же от них никакого. Только между ног путается.

Туллий. Так ты на статую больше похож. В Риме все тогу носят. Смотри инструкцию. Буква О: Одежда. Тога и сандалии.

Публий. Так то в Риме. Там погода меняется. Посторонние все время, прохожие. Бабы. А тут все свои. Ты да я, то есть.

Туллий. Так ты на статую больше похож, говорю. Особенно, если голову отрубить. Или руки. Чтоб тумбочку не портил.

Публий. Я и без тоги похож. *(Распахивает тогу.)* А?

Туллий. Перестань, ты не в лупанарии... В тоге что главное? Складки. Так сказать, мир в себе. Живет своей жизнью. Никакого отношения к реальности. Включая тогоносителя. Не тога для человека, а человек для тоги.

Публий. Ничего не понимаю. Идеализм какой-то.

Туллий. Не идеализм, а абсолютизм. Абсолютизм мысли, понял? В этом — суть Рима. Все доводить до логического конца — и дальше. Иначе — варварство.

Публий *(кричит)*. Да как ее доводить?! Чем?! Куда?! И причем тут тога? Складки! Их разнообразие! Мир в себе! Это же просто одежда. На букву «О». Не тога, говоришь, для человека, а человек для тоги, да? А вот скину я ее *(срывает с себя тогу)* — и что теперь? Тряпка — тряпкой.

Туллий *(задумчиво)*. Похоже на остановившееся море.

Публий *(опешив)*. Ну даешь... Зачитался.

Над мусоропроводом зажигается лампочка. Туллий поднимается с лежанки и направляется к мусоропроводу. На ходу, через плечо, Публию:

Туллий. Оденься, не пугай телекамеру. *(Открывает дверцу мусоропровода, оттуда выплывает бюст.)* Гораций! Квинт Гораций Флакк собственной персоной. *(Пытается поднять.)* Не оригинал, но тяжелый. Килограмм полста в нем будет. Публий! Ну-ка помоги.

Публий надевает тогу и нехотя помогает Туллию водрузить бюст на полку, где уже красуется дюжина других бюстов.

П у б л и й. Ни хрена себе поэт — надорваться можно.

Т у л л и й. Классики они все тяжелые. (*Кряхтит.*) Ээээх... Из мрамора потому что.

П у б л и й. Из мрамора потому что классики? Уф! Или классики — потому что — из мрамора?

Т у л л и й. Чего это ты имеешь в виду? Что это значит: классики потому что из мрамора? Ты на что намекаешь?

П у б л и й. Да что мрамор такой прочный. И не всякому из него морду вырубят. Неподатливый он очень, я слышал. Хоть жги, хоть коли. Максимум, что нос отвалится. Со временем. Но это и при жизни случается. А так — очень устойчивый материал. То-то из него статуи делают: ничто не берет.

Т у л л и й (*внезапно заинтересованно*). Ну-ка, ну-ка, повтори.

П у б л и й. Ага, статуи. Или, скажем, баню себе, как Каракала. Хотя он, конечно, император, может себе позволить. Тем более, что они всегда на потомство работают — императоры то есть. По-зерство, конечно, но уж они-то в курсе, какой камень устойчивей будет. Это только потом из железа все мастрячить стали. Эгоизм потому что. Про потомков уже никто не думает. Взять ту же Башню. Если на то пошло, из мрамора и надо было варганить. А то сталь эта хромированная — насколько ее хватит? Ну еще сто лет, ну двести. Что там Тиберий думал?.. Да чего там! сам Гораций вон про это самое и пишет, что он, дескать,

«воздвиг себе монумент,
превосходящий медь...»

В школе учили, как сейчас помню. Вот ведь темный был, а знал, что с железяками лучше не связываться.

Т у л л и й. Ну и?

П у б л и й. И правильно вообще, что ему из мрамора бюст заделали. Хотя и копия. С другой стороны, копию не так жалко, если нос отвалится.

Т у л л и й (*задумчиво, с отсутствующим выражением на лице*). Да, копию, конечно, не так жалко.

П у б л и й (*ложится*). Уф!.. ну и классик. Хорошо хоть — только бюст, а не целая статуя. Одна тога бы сколько пудов потянула. Складки эти...

Т у л л и й (*задумчиво*). Статуй они не держат. Только бюсты.

П у б л и й. Жалко. Хотя, с другой стороны, какие среди баб классики? Одна Сафо, да и та двуснастная. Да еще тога.

Т у л л и й. Туника.

П у б л и й. Это что такое?

Т у л л и й. Как тога, только короче. У женщин, например, выше колена. Еле-еле причинное место прикрывает.

П у б л и й. Елки-палки. Елки-палки. Елки-палки. Фасон что ли такой?

Т у л л и й. Да нет, просто в Греции вообще теплее.

П у б л и й. Елки-палки. Выше колена.

Т у л л и й. Уймись, Публий.

П у б л и й. Н-да. Греция, тепло. Кипарисы в небо торчат. Магнолия пахнет. Лавр шелестит. Сафо эта; туника выше колена. «Взошли мои любимые Плеяды, а я одна в постели, я одна...» Конец света.

Т у л л и й. Да, хорошая поэтесса. Но не классик. Одни фрагменты. К тому же — гречанка.

П у б л и й. Да хоть бы бюст...

Т у л л и й. Врядли... еще заподозрят в республиканских чувствах. Ты еще Перикла себе закажи, Демосфена...

П у б л и й. А что они нам могут сделать-то?.. Куда дальше... Ну, наблюдение усилят. Так мы же и не почувствуем. Телекамеры-то, поди, везде. Башня-то, она же еще и телевизионная... Плюс еще ресторан... Только заметить их трудно.

Т у л л и й (*задумчиво, глядя в окно*). Мне иногда приходило в голову, что окно и есть камера. Даже когда открыто.

П у б л и й. Ну да, а облачность там всякая — это как помехи. Или дождь... Солнце тоже.

Т у л л и й. Да. А вид Рима — как заставка. Для отвода глаз.

П у б л и й. То-то канарейка и не вылетает.

Т у л л и й. Не дура... С другой стороны, надзор вещь естественная. Даже логическая.

П у б л и й. Какая ж тут логика. Что мы можем? Какое преступление? Ни политического, ни даже уголовного. Разве что мне тебя зарезать или наоборот. Но с кем тогда разговаривать? Замену, конечно, пришлют. Но замена и есть замена. То есть, то же самое... Смысл преступления — он в чем? В последствиях? В выгоде, в огласке, в том, что ловят. Что, поймав, судят, и, осудив, сажают. А мы — мы же уже сидим. Обратный процесс — он же невозможен. От следствия к причине. Так не бывает. Какой же прок в телекамерах? А?

Т у л л и й. Чушь, Публий, преступление интересно именно когда вне контекста. Когда нет ни мотива, ни наказания. Половина худ. литературы об этом.

П у б л и й. Но преступление вне контекста — не преступление. Потому что только мотив — или наказание и делают его преступлением.

Т у л л и й. Его — кого?

П у б л и й. Ну, это... поступок. Действие. Потому что все на свете

определяется тем, что до, и тем, что после. Без до и после событие — не событие.

Т у л л и й. А что?

П у б л и й. Да почему я знаю! Ожидание. Состояние «до». Или затянувшееся «после».

Т у л л и й. Варвар! Безнадежный, невыносимый варвар. Еще Горация себе заказывает!

П у б л и й. Да кончай ты лаяться!

Т у л л и й. Я лаюсь? Варвар; тупой, бессмысленный варвар. Потому что событие без до и после есть Время. В чистом виде. Отрезок Времени. Часть — но Времени. То, что лишено причины и следствия. Отсюда — Башня. И отсюда — мы в Башне. Отсюда же и телекамеры: происходящее в Башне, происходит в чистом Времени. В его, так сказать, беспримесном варианте. Как в вакууме. Тем и интересно. Особенно если зарежешь. Или если не зарежешь. Еще и интереснее... Пускай смотрят! Может, чего-нибудь поймут. Жаль, Тиберий не дожил, он бы понял. А эти — Калигула, Сенат и т.д. — где им. Но ими Рим не кончается. Потому и на пленку записывают... И все равно (*свистящим шепотом, как бы в трансе*), все равно... даже потомки... вряд ли. Ибо то, что происходит с нами, может быть понято только нами. И никем иным. Ибо мы — мы обладаем Временем. Или — оно нами. Все равно. Важно, что — без посредников. Что между ним и нами — никого. Как вечером в поле, когда лежишь на спине и на звезду смотришь. Никого между. Не помню, когда это в последний раз было. Мальчиком. Но ощущение — как сейчас. «Взошли мои любимые Плеяды, а я одна в постели...» — что Сафо эта твоя вообще понимала?! Одно слово — Греция. Эгоистка. Бесконечность восприняла как одиночество. Эгоистка и самка. Римлянин бесконечность воспринимает как бесконечность. От этого бабой не прикроешься. Ничем не прикроешься. И чем бесконечней, тем ты больше римлянин. Того ради Тиберий Башню и строил... А ты, варвар тупоголовый, такой шанс упускаешь. Но так или иначе и до тебя дойдет. Куда ты денешься. И до остальных тоже. Потому что судьба Рима править миром. Как сказано у поэта.

П у б л и й. У какого?

Т у л л и й. У Вергилия. И у Овидия тоже.

П у б л и й (*обводя взглядом полку и ниши*). Эти у нас уже, по моему, есть...

Занавес. Конец 1 акта.

II АКТ

Та же камера после обеда. За окном темнеет. Публий ковыряет во рту зубочисткой. На голове наушники — видимо, слушает музыку. Туллий, в кресле, шелестит газетой. Картина мира и благополучия.

П у б л и й (*вздвoгнув, настораживается: стаскивает наушники*). По-моему, канарейка запела. Или мне показалось?

Т у л л и й. Послышалось.

П у б л и й. Я уверен. что слышал канарейкино пение. Странно... А ты не врешь?

Т у л л и й. Да пошел ты ...

П у б л и й. Может, они опять «Лесной Аромат» в камеру пустили? (*Тянет носом.*) Хотя это только по пятницам... Туллий?

Т у л л и й. Ну чего?

П у б л и й. Какой сегодня день недели?

Т у л л и й. Понятия не имею. Вроде эта, как ее? — среда.

П у б л и й. С тех пор как при Траяне летоисчисление отменили, дни недели тоже стали какими-то... как пальцы рук... безымянными, правда? То есть, оно, конечно, лучше, что мы на порядковые номера перешли. Потому что после двухтысячного года как-то смысла нет года считать. Даже после тысячного уже ничего непонятно. До тысячи еще можно досчитать, а потом засыпаешь... Да и для кого считать-то вообще? Это же не деньги. Ничего же не остается. Не потрогаешь... И начали-то, наверно, считать от нечего делать... Хотя вот мы, например — не считаем же. Хотя делать, вроде, и нечего... Пространство, наверно, мерили. То есть, расстояние. Столько-то дней пути. И так и пошло, по инерции... Остановиться не могли. Тысяча. Две тысячи. И т.д. Даже когда километры появились... Спасибо Траяну, одумался. Теперь пускай компьютеры этим занимаются, а то — тысяча лет, тысяча километров... Бред какой-то... Названий, конечно, жалко. Среда, пятница... Этот, как его? четверг... Туллий! «Морской воздух» нам по четвергам пускают?

Т у л л и й. По вторникам.

П у б л и й. Красивое имя — вторник... Как же это мне все-таки канарейка послышалась? (*Направляется к клетке, открывает дверцу, заговаривает с канарейкой.*) Ну, ты пела или не пела? А? Хули молчишь. Языка человеческого не понимаешь, что ли? Все понимаешь, не ври. Если я тебя слышу, то и ты меня тоже. Просто

наплевать, да? Гора мяса трепыхается и все, правильно? Ох уж эти мне пернатые-пархатые. Или не кормят тебя? Вон Туллий тебе целых полтрюфеля оставил шоколадного. Из Галлии. А ты, сучка, брезгуешь. Голодовку объявила. Ну, Рим от этого не рухнет. Даже если мы с Туллием объявим, не рухнет. Да и как ее объявишь, когда то пушинные гребешки с хреном, то фламинговы яйца икрой начиненные? Задумаешься. Ули-тити-тьюю. Ничего, еще запоешь. Куда ты денешься? Бери пример с нас с Туллием... Туллий?

Туллий. Ну, чего тебе?

Публий. Может она петь завязала, потому что высоко все-таки. Километр почти над уровнем моря. Они ж тут не летают.

Туллий. А ты ее спроси. Ты же с ней разговариваешь. Прямо Святой Франциск.

Публий. Не отвечает. Заперлась и не колется. Как блатная или политическая. (*К канарейке.*) Ули-тити-тьюю. Ты блатная или политическая? Впрочем, блатных и политических в Башне не держат. Блатные и политические теперь по улицам гуляют, на Капитолии сидят. Потому что все отчасти блатные или отчасти политические. Кто больше, кто меньше. Дело не в сущности: только в степени. А за степень в Башню сажать — башен не напасешься, правильно? Так что и ты тут не по делу, а просто так. Из-за реформы Тибериевой. Вот и бери с нас пример. Мы же трекаем. Даже если тебе и непонятно. Тем более пример брать должна. Это не фокус брать пример, когда все понятно. Ули-тити-тьюю.

Туллий. Да оставь ты птичку в покое. Далась она тебе!

Публий. А того и далась, что почему нам не подражает! Коли здесь находится. А то можно подумать — природа против нас. Она же природу представляет. Ведь это же все искусственно!!! Включая нас!!! Она одна — естественна...

Туллий. Ну, не горячись. Представляет и представляет. Даже если и представляет, то — низшую ступень развития.

Публий. Да я к тому и клоню. Попугай и тот лучше будет... Я, когда мы в Ливии когортой стояли, в Лептис Магне, гетеру одну знал. Так она что, змея, придумала. Рядом с постелью аквариум держала. Чтоб рыба, говорит, делу училась. Эволюцию чтоб ускорить, то есть. А то они больно икрой разбрасываются. Вот я и думаю: чего ж канарейке с нас пример не взять. А то молчит, артачится.

Туллий. Может, ей пару заказать. Позвони претору.

Публий. Ну этому она у нас не научится. Разве мы у нее.

Туллий. Опять, значит, свербит... Ну ничего, через пять минут прогулка. (*Потягивается.*) Малафью тебе растрясти. Чтоб, значит, в сыр не сбилась.

Публий. Груб ты, Туллий. Груб, но наблюдателен. (*Кивая на газету.*) Чего пишут-то?

Туллий. А-а-а, жвачка. Бои в Персии. Ураган в Океании... Еще про высадку на Сириусе и Какопусе.

Публий. Ну и?

Туллий. Никаких признаков жизни.

Публий. Это я мог бы и без них сказать. Невооруженным глазом видно.

Туллий. То есть?

Публий. Была б там жизнь, хрен бы мы их вообще увидели. Ночью особенно. Ночью спать ложатся и свет выключают... Жизнь... что они про это понимают... Исследователи...

Туллий. А ты, Публий? Что ты понимаешь? По-твоему жизнь — это что такое?

Публий. Это когда свет рубишь — и на бабу. Вот это жизнь... Скорей бы прогулка, что ли...

Туллий. Как это ни дико, но в том, что ты несешь, есть доля истины... Как сказано у поэта, вокс попули, вокс деи. Глас народа — глас божий... Или что у трезвого на уме, у пьяного на языке... Темнота-таки действительно форма жизни. Так сказать, состояние света, но — пассивное. Днем — активное, а ночью — пассивное. Но — света. А свет у нас что — форма энергии, источник жизни. Для помидоров, по крайней мере, или лука зеленого. И темнота тоже источник. Того же самого. Форма жизни. Материи, как они говорят... И это бы еще ладно, что материи... но им подай пуговицы. То есть, чтоб блестили. Ибо жизнь, по-ихнему, есть что-то плотное, осязаемое. Из мяса сделанное. Волокна из ткани. Клетки с молекулами. Берешь в руки — маешь вещь. Осязаемое и описанию поддающееся. Или фотографировать. Всегда вовне. А жизнь это то, в чём вещи существуют... Не сами они, а эта, как ее? среда. И четверг, и вторник, и пятница. И когда светло, и когда темно. Особенно, когда темно. Это не звезды ихние, а то, что между.

Публий. Да не расстраивайся ты. Подумаешь, газета. И вообще: только жлобы обращают на звезды внимание...

Туллий (*продолжая свое*). Не жизнь для вещи, а вещь для жизни... (*Успокаиваясь*.) Интересно, как они там определяют ее отсутствие? Чем? Миноискателем, что ли? Дозиметрами? Гейгером-Мюллером?

Публий. Может, они в миноискатель идею христианства вмонтировали. И язычества. И буддизм с мусульманством... Мало ли что... За ними не уследишь... Тумбочку новую до сих пор не прислали. Позвонить, что ли, претору?

Туллий. После отбоя, наверно, пришлют. Тебе же еще и лучше. На ночь-то глядя...

Публий. Груб ты, Туллий...

(Первые такты «Сказок Венского Леса», свет в плафонах убывает, и пол приходит в движение на трех стенах камеры появляется (спроецированное либо сзади, из-за кулис, либо — через окно) изображение парка с аллеями, прудом и статуями. Изображение это может быть статичным, но лучше, если это фильм, и лучше, если смена кадров скоординирована с движением фигур Публия и Туллия.)

Ну, наконец-то... Что это у нас сегодня — вилла Д'Эсте или вилла Боргезе?

Т у л л и й. Не-е. Это вроде где-то в Галлии. Тюильри, что ли. Или нет. Это в Скифии Северной... Ну, в этой, в Европе Восточной. То есть, в Западной Азии. Город-то как этот ихний называется?

П у б л и й. Да песего знает. Хороший сад все-таки... Вон, видишь, Вертумн и Помона.

Т у л л и й. Ага, а это «Похищение Сабинянки».

П у б л и й. Точно. А вон «Сатурн пожирающий своего младенца». Н-да, сюжетик... И ограда ничего. И даже, вон, лебеди... Интересно, откуда у них лебеди...

Т у л л и й. Один лебедь.

П у б л и й. А это что? *(Подходит к стене и тычет пальцем.)*

Т у л л и й. Отражение. Нет лебедя без отражения. Или человека без биографии. Как сказано у поэта:

И лебедь, как прежде, плывет сквозь века,
любуюсь красой своего двойника.

П у б л и й. Это кто сказал?

Т у л л и й. Не помню. Скиф какой-то. Наблюдательный они народ. Особенно по части животных.

(Пауза. Прогуливаются.)

П у б л и й. Что с поэтами интересно — после них разговаривать не хочется. То есть, невозможно.

Т у л л и й. То есть, херню пороть невозможно?

П у б л и й. Да нет. Вообще разговаривать.

Т у л л и й. Самого себя стыдно становится. Ты это имеешь в виду?

П у б л и й. Примерно. Голоса, тела и т.д. Как после этих строчек про двойника... Ну-ка, повтори.

Т у л л и й.

И лебедь, как прежде, плывет сквозь века,
любуюсь красой своего двойника.

П у б л и й. Дальше ехать некуда...

(Пауза. Прогуливаются.)

Жить незачем. Жить, возможно, и не надо было. Детей делают по неведению. Не зная, что *это* — уже есть. Или по недоразумению...

Т у л л и й. Либо надеясь, что они тоже стихи писать станут. И многие пробуют. Но вскоре на прозу переходят. Речь в Сенате толкают. И т.д.

П у б л и й. Я тоже баловался. Когда мы когортой в Ливии стояли...

Т у л л и й. Опять похабель какая-нибудь...

П у б л и й. Да нет, молодой еще был... Я тоже одно написал. Ничего не помню; только две строчки, тоже про птицу:

Но порой меня от сплина
Не спасал и хвост павлина!

Т у л л и й. Ха! Недурно. Совсем недурно, Публий. Не лишено изящества... Больше не пробовал?

П у б л и й. Не, завязал.

Т у л л и й. Жалко... И не потому, что сидел бы ты сейчас не тут, скажем, а на своей вилле на Яникулуме. Тут бы, положим, был твой бюст. Жалко потому, что сказанное поэтом неповторимо, а тобой — повторимо. То есть, если ты не поэт, то твоя жизнь — клише. Ибо все — клише: рождение, любовь, старость, смерть, Сенат, война в Персии, Сириус и Канопус, даже цезарь. А про лебедя и двойника — нет. Чем Рим хорош, так это тем, что в нем столько поэтов было. Цезарей, конечно, тоже. Но история — не они, а то, что поэтами сказано.

П у б л и й. Да? А Тиберий с Траяном, а Адриан? А новые территории в Африке?

Т у л л и й. Зарезать, Публий, и легионер сумеет. И умереть за отечество тоже. И территорию расширить, и пострадать... Но все это клише. Это, Публий, уже было. Хуже того, это будет. По новой, то есть. В этом смысле, у истории вариантов мало. Потому что человек ограничен. Из него, как молока из коровы, много не выжмешь. Крови, например, только пять литров. Он, Публий, предсказуем. Как сказка про белого бычка. Как у попа была собака. Да капо аль финем. А поэт там начинает, где предшественник кончил. Это как лестница; только начинаешь не с первой ступеньки, а с последней. И следующую сам себе сколачиваешь... Например, в Скифии этой ихней, кто бы теперь за перо ни взялся, с лебедя этого начинать и должен. Из

этого лебедя, так сказать, перо себе выдернуть...

П у б л и й (*приглядываясь к пейзажу*). Интересно, фильм это или прямая трансляция?

Т у л л и й (*взрываясь*). Да какая разница! Природа и есть природа. Деревья эти зеленые. Вот уж, говоря о клише... Ствол от ствола еще отличить можно, но лист от листа! Отсюда, я думаю, идея большинства и пошла... Природа сама и есть трансляция... Из зала Сената... Сплошная овация...

П у б л и й. Да успокойся ты, Туллий. Разнервничался. Вообще ты последнее время... С пол-оборота заводишься. Ну хочешь, выключим. В нашей же власти.

Т у л л и й. Выключи, действительно... ужасная все-таки гадость... Тавтология. Хуже всего, что — естественная. Мать, так сказать, природа...

П у б л и й. Выключаааающую... (*Нажимает кнопку; пол останавливается, аллеи исчезают, зажигается свет.*) В следующий раз лучше заранее откажемся. (*Миролюбиво.*) В следующий раз...

Т у л л и й. Варвар! В следующий раз!.. Откуда ты знаешь, каким он будет, раз этот следующий! Привык к тому, что завтра наступает. Развратился.

П у б л и й. Ты на что намекаешь? А? Может, зарезать меня собираешься? Повода ищешь? На, режь! Тем более, что на пленку записывают. Или прямо транслируют. Режь! Все лучше, чем в цилиндре этом вонючем...

Т у л л и й. Никто тебя резать не собирается... Пол потом мыть... Как, между прочим, и наоборот... просто расписывался я что-то. Ты тоже. Может, они какой дури в паштет намешали.

П у б л и й. Юлишь... хотя паштет и впрямь был не очень.

Т у л л и й. С другой стороны, мы такого еще не пробовали. Из страусовой печенки с изюмом.

П у б л и й. Вообще рыбу последнее время мало давать стали.

Т у л л и й. Может, она вся в Лептис Магну ушла, у бандерши твоей эволюции учиться.

П у б л и й. Или — блокада морская. Сам говоришь, стычки в Персии.

Т у л л и й. Лето к тому же: портится быстро.

П у б л и й. Н-да. Рыбки бы сейчас. Свеженькой... (*Глядя в окно.*) Глаза бы мои этих звезд не видели. Уж лучше бы в шахтах сидеть, как при республике. Уголь и уголь. По крайней мере, рубая его, хоть иллюзия была, что к свету пробиваешься... Это, конечно, шикарная идея — энергию из воздуха добывать. Легкие эти механические, что Тиберий ввел, и печень. И даже приятно, что кровь ихняя, так называемая — коричневого цвета. Не только экономическая, но и эстетическая независимость от чучмеков этих с нефтью ихней. И

вообще в пандан Риму с его терракотой... А только в шахте, думаю, было все-таки лучше. В смысле, — не было надежд этих бессознательно с прозрачностью связанных. Синь эта, даль... холмы... Умбрия. Альпы. Особенно в хорошую погоду. Тем более, весной. Ультрамарин и прочее. На кареглазых такие вещи особенно сильно действуют... когда взгляд канает и канает, без остановки... Мечтательность развивается. Не то что в шахте. На это, видать, Тиберий и рассчитывал. Вместо того, чтоб на стенку лезть, воображение разыгрывается. За счет, ясное дело, ярости... Звезды эти, к тому же. Вега и Кассиопея. Орион и Медведицы. Сконцентрироваться невозможно. Тот же Сириус... Того гляди, про лебедя и двойника сочинять примешься... Удивительно, Туллий, что ты не пробовал. При таком-то виде.

Туллий. Я пробовал. Не далее, как вчера.

Публий. Ну?

Туллий.

Вид, открывающийся из окна,
Девять, восемьдесят одна.

Публий. Девять восемьдесят чего? Девять восемьдесят одна?.. Это чего такое?

Туллий. Ускорение свободного падения.

Публий. Макабр. Помноженное на 500 метров, если не больше. Макабр... Значит, ты тоже об этом думаешь?

Туллий. О чем?

Публий. Ну... об этом (*Указывает глазами на потолок.*)...сам понимаешь.

Туллий (*смотрит на потолок*). Над нами только этот... как его?... ресторан. И антенна телевизионная.

Публий. Да я не про то. (*Обрывает себя на полуслове. Следует отчаянная пантомима. Возводя глаза горé, Публий одновременно тычет пальцем вниз. Затем, убедившись, что смысл его жестыкулящи не доходит до Туллия, меняет тактику и, тыча пальцем в потолок, косит глазами в пол. После чего следует комбинация того и другого, в итоге которой он окончательно запутывается и, поняв это, кричит — смесь шепота и крика.*) О побеге! Или... или о (*с расширенными глазами*) о самоубийстве!

Туллий. Очень благородная римская традиция. Сенека и Лукреция. Марк Антоний... Это с какой же стати я о самоубийстве думать должен?

Публий. Ну как же! Это ж — это же — выход!

Туллий. Самоубийство, Публий, не выход, а слово «выход», на стенке написанное. Как сказано у поэта. Только и всего.

Публий. У какого?

Туллий. Не помню. У восточного.

П у б л и й. Это где?

Т у л л и й. Тоже в Западной Азии. Наблюдательный они народ...

П у б л и й. Тогда — о...о (*Подбегает к умывальнику, отворачивает кран и свистящим шепотом.*) О побеге?

Т у л л и й. Совершенный ты дикарь, душка Публий. Самоубийство, побег. Детский сад какой-то. Куда бежать? В Рим — из Башни? Но это все равно, что из Истории — в Антропологию. Или лучше: из Времени — в историю. Мягко говоря, деградация. Со скуки окачуриться можно.

П у б л и й. А здесь чем лучше? Там хоть что-то происходит. Петушинные бои. Гетеры. Гладиаторы. Сенат, в конце концов. Законодательство. Да я бы снова в легион записался. Ко всем чертям. В Ливию, в Персию! Если не поэт, то хотя бы в истории участвовать! В географии, по крайней мере. Особенно когда морем путешествуешь.

Т у л л и й. Его отсюда тоже видать. В хорошую погоду особенно.

П у б л и й. Как и бои петушинные. Записанные на пленку. Для потомства.

Т у л л и й. Или в трансляции. Хочешь, включим?

П у б л и й. Ладно, чего там...

(Над мусоропроводом загорается лампочка.)

Т у л л и й. Публий!

П у б л и й. Чего?

Т у л л и й. Жenu тебе привезли.

П у б л и й. А?

Т у л л и й. Тумбочка твоя новая. По-моему, доставили.

П у б л и й (*замечая лампочку и поднимаясь с лежанки*). Груб ты, вот что...

Т у л л и й. Помочь?

П у б л и й. Да ладно, я сам.

Открывает дверцу: оттуда выплывает новая, из хромированной стали, тумбочка.

Т у л л и й. Красавица, а?

П у б л и й. Ничего, действительно.

Т у л л и й. Из того же материала, что и сама Башня. Не как-нибудь.

П у б л и й. Н-да, ничего... Только в ней все отражается. (*Устанавливает тумбочку около кровати, отходит на два шага.*) Как в кривом зеркале. Но — зеркале.

Т у л л и й. Нет лебеда без отражения... Может это тебя охладит малость. Южный темперамент. Либо наоборот распалит.

П у б л и й. Да оставь ты... Завидуешь, небось. Конечно, в твоём

возрасте. Да и в моем тоже... Раньше, бывало, сунешь пенис в ведро — вода кипит. А теперь (*Машет рукой.*)...

Т у л л и й. Я это ведро тебе на своем с первого этажа на пятый поднесу. С петухами особенно.

П у б л и й. Кончай хлестаться.

Т у л л и й. Пари?

П у б л и й. На что?

Т у л л и й. На твое снотворное. На неделю вперед.

П у б л и й. Ты сначала ведро найди. Не выпускают их больше...

Т у л л и й. Ну, это претору позвонить можно; он разыщет.

П у б л и й. И ступеньки...

Пауза; Публий исследует внутренности тумбочки.

Т у л л и й. Странно, как вещи из моды выходят. То же ведро, например.

П у б л и й. Ну, в сельской-то местности им еще, поди, пользуются. В Ливии, например, я помню...

Т у л л и й. Так то в Ливии... Не ты, так я о Ливии и не вспомнил бы. И о сельской местности. Вообще — о мире... Так, место горизонтальное. Зеленовато-коричневое с синим. Грады и веси. Формы эти — кубики, треугольники. Крестики, нолики. Ниточки синенькие. Поля распаханые.

П у б л и й. Хочешь, претору позвоним — карту Империи закажем.

Т у л л и й. Или — обои. Что то же самое... Смысл Империи, Публий, в обесмысливании пространства... Когда столько завоевано — все едино. Что Персия, что Сарматия, Ливия, Скифия, Галлия — какая разница. Тиберий-то и был первый, кто это почувствовал... И программы эти космические — то же самое. Ибо чем они кончаются? Когортой на Сириусе, колонией на Канопусе. А потом что? — возвращение. Ибо не человек пространство завоевывает, а оно его эксплуатирует. Поскольку оно неизбежно. За угол завернешь — думаешь другая улица. А она — та же самая: ибо она — в пространстве. То-то они фасады и украшают — лепнина всякая — номера навешивают, названиями балуются. Чтоб о горизонтальной этой тавтологии жуткой не думать. Потому что всё — помещение: пол, потолок, четыре стенки. Юг и Север, Восток и Запад. Всё — метры квадратные. Или, если хочешь, кубические. А помещение есть тупик, Публий. Большой или малый, петухами и радугой разрисованный, но — тупик. Нужник, Публий, от Персии только размером и отличается. Хуже того, человек сам и есть тупик. Потому что он сам — полметра в диаметре. В лучшем случае. Кубических или анатомических, или чем там объемы меряются...

П у б л и й. Пространство в пространстве, то есть?

Т у л л и й. Ага. Вещь в себе. Клетка в камере. Оазис ужаса в пустыне скуки. Как сказано у поэта.

П у б л и й. Какого?

Т у л л и й. Галльского... И все одинаковые. Анатомически, то есть. Близнецы или двойники эти самые. Лебеди. Природа в том смысле мать, Публий, что разнообразием не балует. Из дому выйти надумаешь, но взглянешь в зеркало — и дело с концом. Или в тумбочку эту... даром, что кривая... То-то они так за тряпки хватаются — тоги эти пестрые разнообразные...

П у б л и й. Туники...

Т у л л и й. Хитоны.

П у б л и й (*живо*). Это что такое?

Т у л л и й. Одежда верхняя легкая. Но — поверх туники. Тоже греческая... Неважно... Только чтоб на самих себя не нарваться... Чтоб помещение не узнать... Весь ужас в том, что у людей больше общего, чем разного. И разница-то эта только в сантиметрах и выражается. Голова, руки, ноги, причинное место; у баб — титьки еще. Но с точки зрения пространства, Публий, с точки зрения пространства, когда ты на бабу забираешься, происходит нечто однополое. Как если и не на бабу. Топографическое извращение какое-то место имеет. Топо-сексуализм, если угодно. Тавтология. Тиберий это потому и понял, что — цезарь. Потому что подданных в массе привык рассматривать. Потому что цезарь, он что? он общий знаменатель — всегда ищет.

П у б л и й. Ну, первому это, я думаю, Богдыхану Китайскому в голову пришло. У егонных подданных все же больше общего. И знаменатель и числитель... Потому, видать, у них даже и республики не было. Один всех и представляет.

Т у л л и й. Да их же там миллиард с лишним, Публий. Даже если б от каждого миллиона по сенатору избиралось, можешь себе Сенат этот представить? а? Или результаты голосования. Скажем, 70% за, 30% — против. То есть, триста миллионов в меньшинстве.

П у б л и й. Да, некоторые цезарями становились и при более скромных исходных.

Т у л л и й. Не в этом дело! не в этом дело, Публий! Не в цифрах. Конечно миллиард — это уже пространство. Особенно если их плечом к плечу поставить. Но они еще и друг на друга взбираются. Совокупляются... Это — пространство не только к самовоспроизводству, но еще и к расширению склонное... То-то они там на Востоке и вырезают друг друга с таким безразличием. Потому что — много, а раз много, то взаимозаменяемо. Этот, как его, в Скифии который? ну, последний век христианства — верней, постхристианства — он же так и утверждал: у нас незаменимых нет... Не в цифрах дело. Дело в

пространстве, которое тебя пожирает. В образе версты или в образе тебе подобного... И побежать некуда, от этого спасенья нет, кроме как только во Время. Вот что имел в виду Тиберий. Он один это понял! Ни Богдыхан Китайский, ни все сатрапы восточные не просекли, Публий. А Тиберий — да. И отсюда — Башня. Ибо она ни что иное, как форма борьбы с пространством. Не только с горизонталью, но с самой идеей. Она помещение до минимума сводит. То есть как бы физически тебя во Время выталкивает. В чистое Время, километрами не засранное; в хронос... Ибо отсутствие пространства есть присутствие Времени. Для тебя это — камера, темница, узилище: потому что ты — варвар. Варвару всегда Лебенсраум подай... мослами чтоб шевелить... пыль поднимать... А для римлянина это — орудие познания Времени. Проникновения в оное... И орудие, заметь, совершенное: со всем для жизни необходимым...

П у б л и й. Да уж это точно. Дальше ехать некуда. В смысле — этой камеры лучше быть не может.

Т у л л и й. Одиночная наверно лучше. Там пространства еще меньше. Особенно анатомического... Дальше, конечно, только гроб. Где пространство кончается, и сам Временем становишься. Хотя кремация еще даже и лучше... Но это от претора зависит.

П у б л и й. А урну с прахом куда? Родственникам?

Т у л л и й. Лучше в мусоропровод. Так хоть в Тибр попадет. Опять же места занимать не будет. Пространства, то есть... От претора, конечно, зависит.

П у б л и й. Нет, я лучше родственникам... Октавиан хоть знать будет, где папка валяется. А то — как не было меня. Только пенсия... Не святым, дескать, духом...

Т у л л и й. Да, не любил Тиберий длиннополых...

Пауза.

П у б л и й. Если б ты мне дал, мы бы пространство сократили. Спали бы вместе.

Т у л л и й. Ну да, сократили бы. На десять сантиметров.

П у б л и й. На пятнадцать! Вынуть?

Т у л л и й. Да перестань. Я видел. Десять от силы и будет.

П у б л и й. Пятнадцать! Спорим?

Т у л л и й. На твое снотворное.

П у б л и й (*смешавшись*). Зато — диаметр! И обрезанный. Десять сантиметров тоже, знаешь, не валяются.

Т у л л и й. И не сократили бы, а увеличили...

П у б л и й. Даже если только на десять?

Т у л л и й. Даже если только на десять.

П у б л и й. Ну и пошел ты... Не больно-то и хотелось...

(Раздражаясь.) На твоём очке свет клином не сошелся. Подумаешь... Когда мы в Ливии когортой стояли, я одного араба знал. Так он за пару сестерциев в ноздрю давал. Тоже, видать, привередливый был, пространство экономил. А как клиент кончит, так он сморкался... От катара верхних дыхательных путей и помер.

Т у л л и й. Лучше домой позвони.

П у б л и й. Сам звони! Домой!.. Куда хрен вернешься. С таким же успехом в Грецию Древнюю звонить можно. Либо — в Иудею Библейскую... «Домой». Ты еще «мама» скажи. Я бы им урну эту уже сейчас послал. Они бы и проверять не стали. Для них «пожизненно» куда больший, чем для нас, смысл имеет. Потому что у них там жизнь происходит. А тут... Может, в шахматы сыграем...

Т у л л и й. Шахматы мы, Публий, на Горация давеча обменяли.

П у б л и й. А-а, совсем из головы вылетело.

Т у л л и й. Меньше бы ты себя на тумбочку изводил.

П у б л и й. Может, пофехтуем?

Т у л л и й. На ночь глядя? Как сказала девушка легионеру.

П у б л и й. И то сказать... Неужто так всегда будет! Ведь — до конца дней. А он еще когда наступит. При ихней диете... И когда наступит, тоже, говорят, не заметишь... Всегда. И через десять лет. И, может, через двадцать. И когда фехтовать уже сил не будет. Не говоря уже про шахматы. И вся камера будет ... бюстов полна... То есть, «всегда» — это когда забудешь, сколько их сегодня было... с Горацием или без?.. И ведь уже завтра и забуду. Или послезавтра... Завтра-то, может, это и есть, когда «всегда» начинается. И может оно уже наступило. (кричит) Я же не помню, сколько их вчера было! Шестнадцать? Четырнадцать? С или без Горация?.. От этого же можно с ума сойти!

Т у л л и й. Затем нас вместе и посадили, чтоб этого не случилось.

П у б л и й. ?

Т у л л и й. Как в браке. И потом: они же на пленку записывают. И на два разделенная мысль всегда понятней... Не говоря о том, что не так ужасна.

П у б л и й. Ты хочешь сказать, что мы тут... это... в назидание потомству... Как свинки морские?..

Т у л л и й. Да нет же... Потом, свинки морские — у них дара речи нет. Их же интерпретировать приходится... Бехейворизм называется... Да ни у какого потомства и времени не будет нами заниматься. Пожизненно все-таки... Просто некоторые мысли в голове не умещаются. Им, чтобы мыслью стать, больше, чем один мозг требуется... Ум — как это там? — хорошо, а два лучше... Народная мудрость. Чтоб мысль до конца додумать... Теорию вероятности, например. Или это твое «всегда».

П у б л и й. Но это значит... это значит, что мы как бы одним мозгом становимся. То есть, с точки зрения мысли. Куда она укладывается, для нее и есть мозг. Правое и левое полушарие.

Т у л л и й. Я лучше левое буду.

П у б л и й. Но почему же тогда в одну койку не забраться?!? Ведь если один мозг, то и тело одно тоже!

Т у л л и й. В том-то и дело, что одно тело может с ума сойти, а два нет. Во всяком случае, не от той же мысли.

П у б л и й. Отказываешься, значит... А сам — «одиночная камера, одиночная камера»... Одна мысль на двоих, да под одним одеялом — вот и была бы одиночная камера...

Т у л л и й. Ну, твоим-то «всегда» хрен накроешься. Вдвоем тем более.

П у б л и й. ?

Т у л л и й. Потому что эгоист ты. Как все варвары. «Всегда» твое это — тебя только и касается. Ты же не про Время, Публий, думаешь: тебе себя жалко. А с жалостью к себе жить можно. Даже приятно. Дать тебе или не дать — тебе все равно себя жалко будет. Даже если бы баба тебе дала, даже, если бы *малчик*...

П у б л и й. Да почем ты знаешь!?

Т у л л и й. А чего же ты тогда ради в Ливии этой своей по бардакам шастал. Ведь баба же была. И этот, как его, Октавиан твой. Ведь не в Башне же был, а?

П у б л и й. Хочешь сказать, что меня за аморалку...

Т у л л и й (*продолжая*). Жалко тебе себя было всегда, вот что. И сейчас тебе себя жалко. И «всегда» твое только степень жалости к самому себе и выражает. «Ой, ведь так будет и завтра, и послезавтра. Ой, и вчера уже так было. Ой, я бедный-несчастный.»

П у б л и й. А сам! — а сам! — а ты-то, сам. (*Выпаливает.*) Ты помнишь, сколько тут вчера бюстов было?

Т у л л и й. Понятия не имею. Какая разница? Пятнадцать. Шестнадцать. И вообще лучше я буду левое полушарие...

П у б л и й. А я вспомнил! Вспомнил! Четырнадцать их было!

Т у л л и й (*обводя взглядом полки и ниши*). Их и сейчас четырнадцать; с Горацием.

П у б л и й (*возбужденно*). Ага! ага! Потому что мы вчера Сенеку выписали, и он нам не понравился. И мы его назад отправили, из-за бороды. А сегодня Горация выписали — и опять стало четырнадцать. Было четырнадцать, стало тринадцать. Потом опять стало четырнадцать (*Хватается за голову.*) Что это я такое несу? Мне показалось — их было ПЯТНАДЦАТЬ?

Т у л л и й. Успокойся, Публий. Сложение и вычитание. Какая разница. Просто производятся одновременно. А ты привык их совершать последовательно. Делов куча. Сколько было бюстов...

Как вода в бассейне. Из двух кранов вливается, из одного выливается.

П у б л и й (*упавшим голосом*). Никогда в толк этого не мог взять.

Т у л л и й. Я тоже... Говоря о бассейне — скупнуться что ли. На ночь-то глядя...

П у б л и й. Но от этого же можно с ума сойти! Ведь их же — бюстов — все больше и больше становится! Их же еще больше будет!...

Т у л л и й (*загадочным тоном*). Может — больше. А может и совсем не будет.

П у б л и й (*недоуменно и настороженно*). Что это ты имеешь в виду?

Т у л л и й (*спохватываясь*). Классики... э-э-э... их вообще не так уж много. Римских во всяком случае. Раз-два, и обчелся.

П у б л и й (*выкрикивая*). Пятнадцать!

Т у л л и й (*продолжая*). Главное — с императорами не путать. Энный, Лукреций, Теренций, Катулл, Тибулл, Проперций, Овидий, Вергилий, Гораций, Марциал, Ювенал. Главное — с императорами не путать. Ни с ораторами, ни с императорами. Ни с драматургами. Только поэты.

П у б л и й. Потому что мрамора мало.

Т у л л и й. Ни — с греческими. Ни, тем более, с христианскими. В твоём случае, это особенно важно.

П у б л и й. Почему?

Т у л л и й. Потому что варвару всегда проще стать христианином, чем римлянином.

П у б л и й. ?

Т у л л и й. Из жалости к себе, Публий, из жалости к себе. Тебе же отсюда сбежать хочется. Или — самоубиться. То есть, тебе вечной жизни хочется. Вечной — но именно жизни. Ни с чем другим это прилагательное связывать не желаешь. Чем более вечной, тем более жизни, да?

П у б л и й. Ну и что? Чего в этом дурного-то?

Т у л л и й. Да нет, разве ж я... что ты? ничего дурного в этом нет. Ровно наоборот. Более того, все это осуществимо, Публий: и сбежать, и самоубиться, и вечную жизнь обрести тоже. Все это, Публий, как раз возможно. Но стремление-то к возможному как раз для римлянина и есть самый большой моветон. А поэтому, душка Публий...

П у б л и й. Как?! Как ты сказал? Ты имеешь в виду — сбежать возможно? да? Ты сказал — это осуществимо... Я не ослышался?..

Т у л л и й. Осуществимо, душка Публий, осуществимо. Все осуществимо. А пока...

П у б л и й (*вскакивая, орет*). Каким образом?! Как? Где?

(Безумно озирается, как бы в поисках выхода, как бы подозревая, что что-то проглядел; затем кидается к мусоропроводу, к двери лифта, к окну — ощупывает стекло — бросается к клетке с птичкой, осененный как бы догадкой, но тут же разочаровывается, и т.п. 2-х — не более — минутная пантомима, на протяжении которой Туллий, заложив руки за спину а ля школьный учитель, разглядывает бюсты.) Как? Где? (Возбуждение его гаснет.) Бре-шешь, падло. Ни хрена это не осуществимо. Не в данной инкарнации. И не будь это пожизненно, начистить бы тебе рыло... Сука ты, Туллий; большая старая римская сука. Волчица. Ни стыда, ни совести. Над простым человеком дорываться. «Осуществимо, возможно... »

Туллий *(не меняя позы)*. На что поспорим?

Публий. На твое снотворное.

Туллий. Лучше на твое. Мое все кончилось.

Публий. Идет... *(до него начинает доходить смысл сделки, но ему лень додумывать.)* Да ты что... охренел, в самом деле... да если я проиграю — т.е. если ты выиграешь, то...

Туллий. А пока, душка Публий, повторяй за мной: Энний, Теренций, Лукреций... Ну, давай!

Публий *(повторяет, загибая для счета пальцы)*. Энний, Теренций, Лукреций...

Туллий. Катулл, Тибулл, Проперций.

Публий. Катулл, Тибулл, Проперций.

Туллий. Вергилий, Овидий, Гораций.

Публий. Вергилий, Овидий, Гораций.

Туллий. Лукан, Марциал, Сенека.

Публий. Лукан, Марциал, Сенека... Пятнадцать!

Туллий. Ювенал... эх, добавим историков. Плиний, Тацит, Саллюстий...

Публий. Плиний, Тацит, Саллюстий... спать — хочется-а...

Туллий. Прими снотворное. У тебя же есть.

Пауза, во время которой занавес на четверть спускается.

Публий. Пожалуй. Пожалуй, ты прав. *(Прислоняет ладонь к пульту в изголовьи; на экране вспыхивает: «Публий Марцелл, № 1750-А»; затем Публий нажимает кнопку, и на экране вспыхивает: «Заказ — Снотворное». Затем из отверстия рядом с Пультом появляется, как пневмопочта, продолговатый цилиндр, в котором, когда Публий берет его в руки, раздается характерное тарахтение таблеток: Туллий следит за всей этой манипуляцией, как загнипнотизированный. Публий произносит с видимым удовлетворением.)* Что ни говори, а мои отпечатки пальцев, Туллий, не твои

отпечатки пальцев. *(Высыпает несколько таблеток на ладонь, подходит к стоящему на столе графину, бросает таблетки в рот и запивает их прямо из носика.)*

Т у л л и й *(глотая слюну)*. Римские компьютеры... славятся своим гостеприимством. *(Закуривает.)*

П у б л и й *(уходит в нужник; раздается сильный шум падающей струи, затем — звук спускаемой воды, сменяемой звуком воды из-под крана: Публий чистит зубы, полощет на ночь горло, приговаривая.)* Катулл, Тибулл, Проперций, Вергилий, Овидий, Гораций, Катулл, Тибулл *(Выходит из нужника, пересекает сцену по направлению к своему ложу.)*, Проперций, Овидий, Вергилий, Гораций. *(Садится в своем алькове, чтобы размотать сандалий, и, внезапно, в этой позе валится на бок и засыпает.)*

Пауза. После которой Туллий встает, направляется к алькову Публия в постель, все время косясь на цилиндр с таблетками. Берет этот флакон в руки, читает надпись на этикетке. Проглатывает слюну. Ставит флакон на место, смотрит в окно, там — Луна и звезды. Пауза. После чего Туллий задергивает альков Публия пологом, направляется к нише; вынимает оттуда бюст, допустим, Вергилия и, кряхтя, перетаскивает его к отверстию мусоропровода и ставит его на то, что служит в камере обеденным столом — такая платформа с регулируемой высотой — более или менее, как в больницах. Последующие 5-10 минут Туллий занят переноской бюстов из ниш и с полок и установкой их на столе. Он вспотел, запыхался; обнажает себя до пояса и, остановившись передохнуть, прислушивается к довольно громкому храпу Публия...

Т у л л и й *(выпрямляясь и утирая пот со лба — прислушивается к храпу Публия.)* Во человек клопа давит! В объятых — как его? — Морфея. «Лесбия, где ты была? Лежала в объятиях Морфея...» Катулла, стало быть, первым и пустим. Во-первых — копия, и поэтому не жалко..., во-вторых, уж больно популярен... на все языки переведен... И везу, как в императоре... Потяжелей Горация будет... Килограмм за полста потянет... И при ускорении в 9.81... да если 700 метров лететь... то сечке, конечно, кранты. Как, впрочем, и крокодилы. То есть, в лучшем случае, крокодилы мрамор придется жевать... А это разные вещи... Это тебе не фарш... Так можно и зубки испортить... И тут мы по ним еще Вергилием врежем. Тем более, что портретное сходство посредственное... Да и кто его вообще видел. Может, даже и не он... Аноним... «Сами овечки в лугах поедать колокольчики станут / Чтоб в голубую их шерсть красить потом не пришлось...» Экая прелесть... Всей этой Энеиды бесконечной стоит. *(Пододвигает бюст Вергилия к отверстию мусоропровода.)* ...Тяжелый... однако поэт... Одно слово — эпический... Нет, не хотел бы я быть крокодилышкой... Все-таки 35000 килограммометров в момент приземления... Все-таки почти 500 км в час скорость. И — по морде... Да еще если, скажем, Лукрецием... Тем

более, что ему, как спятившему, все равно... «Счастлив всякий, кто мог постигнуть причину явлений...» Уффф!.. хотя бы уже потому, что причина явлений настагает всякого, кто счастлив... или — несчастлив... Как это там... *(Декламирует.)*

Вещи есть также еще, для каких не одну нам, а много/
можно причин привести — но одна лишь является верной./
Так, если ты, например, вдалеке бездыханный увидишь/
труп человека, то ты всевозможные смерти причины/
высказать должен тогда — но одна только истиной будет./
Ибо нельзя доказать, от меча ли он умер, от стужи,/ или от
болезни какой или может быть, также от яда;/ но тем не
менее нам известно, что с ним приключилось /что-то
подобное... Так говорить нам о многом придется./

Н-да... не хотел бы я быть крокодилчиком... Не разбавить ли это дело. *(Ворочает еще один бюст.)* Тибуллом... Тем более, что молодым умер... Все больше о девушках... Делия и т.д.... Или — Проперцием... Тоже, главным образом, про Цинтию... Кто вас теперь вообще, братцы, помнит... А еще лучше — Сенекой... Тем более, что — самоубийца... Замечательная эта у него строчка про ссылку, когда он еще на острове этом своем — Корсика, что ли? — околачивался:

«Здесь, где изгнанник живет вместе с изгнанием своим...»

Очень к местным условиям подходит... Ах, душка Публий, знал бы ты римских поэтов... Меньше бы нервничал. И снотворное тоже бы просто так отдал без торговли... как стоик. Не пришлось бы, зараза, вкалывать тут, как ишаку. И сечка бы функционировала нормально, и крокодилчики или там клубок змей — живы-здоровы. А так — что? Луций Анней Сенека, даром что самоубился, должен канать вниз со скоростью 500 км в час... То есть, делая почти 130 метров в секунду... И то же самое — Лукан, Марк Анней Лукан, автор «Фарсалии»... отчасти, конечно, потому что Сенеки — племянник... и, конечно, потому что тоже самоубился, хотя и молодым... то есть, сам вскрыл вены, чтоб Нерон не зарезал... Ничего это, между прочим, у него про вены эти самые:

«...Никогда столь широкой дорогой не изливалась
жизнь...»

бррр, конечно; но — здорово. Хорошие были в Риме авторы. Тяжелые только... Вот и ворочай их теперь только потому, что невежда и варвар считается, тем не менее, римским гражданином, и

Тибериева реформа распространяется на него тоже, со всеми вытекающими отсюда последствиями, включая снотворное. Пережитки республики все-таки... Ведь ни строчки из Марциала не знает, ни Ювенала, ни Персия — а туда же: снотворное принимает... Ведь никакой душевной деятельности: одно пищеварение — а вот, поди ж ты, — подай ему барбитурат кальция, и все! Демократия... И через это такие ребята (*Жест в сторону бюстов.*) носы и уши теряют!.. Эх! выпить, что ли. (*Направляется к амфоре.*) Посошок на дорожку. «Пьяной горечью Фалерна / Чашу мне наполни, малчик...» (*Отходит, наполнив стакан, в сторону.*) Ну-с, классики. Отрубленные головы цивилизации... Властители умов. Сколько раз литературу обвиняли в том, что она облегчает бегство от действительности! Самое время воспринять упреки буквально. Пора спуститься с облаков (*Распахивает дверцу мусоропровода.*) на землю. От звезд, так сказать, восвояси к терниям. В Тибра, точнее, мутные воды. Как сказано у поэта...

С этими словами Туллий принимается спихивать один за другим бюсты классиков в отверстие мусоропровода. В камере остаются только два бюста — Овидия и Горация. Туллий запихивает в мусоропровод матрац, подушки и, пятясь раком, сам пролезает в отверстие.

Т у л л и й (*обращаясь к оставшимся бюстам*). Вас все-таки жалко. Ты же, небось (*Похлопывая по темени Горация.*) еще и обжиться тут не успел. А ты (*К Овидию.*)... как это там... Нек сине те, нек текум вивере поссум. Ни с тобой, ни без тебя жить невозможно... Что да, то да. (*С этими словами Туллий зажимает нос и исчезает в мусоропроводе.*)

Занавес. Конец II акта.

III АКТ

Та же камера. Раннее утро. Солнечные лучи окрашивают потолок, проникая сюда как бы снизу. Громкое пение канарейки: оно и будит Публия.

П у б л и й (*потягиваясь*). У-ли-тититююююю, ули-тити-тююююю, тюююю... Тибулл, Катулл, Проперций... Тююю, тюююю... Запела-таки, сучка,.. слышь, Туллий... а?.. спит еще... О-о! (*Садится на постели, держась за голову.*) О-о, барбитураты эти... дают себя знать... Кофе, значит. (*Бессознательным жестом прижимает ладонь к пульту, где вспыхивает имя, номер камеры и слово «Заказ»; столь же машинально Публий нажимает кнопку — в ответ вспыхивает «Кофе»; рука безжизненно падает и раздается характерный шум заваривающей «эспресс» машины, и в зале разносится запах кофе.*) ...Ули-тити-тюю... А ничего себе, между прочим стоит, а!.. Сколько же в тебе сантиметров, красавец, будет?.. Уууууу... моща-а-а... у-у-у-, щас бы я... как говорил — кто же? Нерон или Клавдий — в общем, из древних: Не верь -ую по утру стоячему: он не е-ать, он ссать просит. Ыыы-эххх-што ты!..

Публий откидывает полог и спускает ноги с кровати на пол. Некоторое время он так и сидит; потом встает и направляется к туалету: те же самые звуки, что мы слышали в конце предыдущего акта. Выходит из туалета, возвращается в свой альков, садится, наливает себе кофе, встает, подходит к окну, потягивается, делает первый глоток, достает сигарету, закуривает.

День-то какой, ликторы-преторы! Тибр извивается, горы синеют. Рим, сука, весь, как на ладони. Пинии шумят — каждую иголочку видно. Фонтаны сверкают, как люстры хрустальные... Всю Империю, можно сказать, видать: от Иудеи до Кастрикума... Принцепсом себя чувствуешь... Хотя, конечно, может это только нам... так... показывают... А, Туллий, как ты думаешь?... Спит, зараза... Такой день пропускает... Наверно, все же в прямой трансляции... Но даже если и в записи... Потому, видать, и записали, что лучше не бывает... (*Пьет кофе.*) Туллий, эй, Туллий! Вставай, сколько валяться можно... День-то какой! ...Эй, Туллий!

Публий оборачивается и только тут замечает что-то неладное: отсутствие бюстов и общий беспорядок в алькове Туллия.

Туллий!!! (Кидается к алькову.) Туллий, где ты?!? Туллий!!! Туллий!!! (С тревогой, переходящей в ужас понимания, что Туллий исчез.) Туллий, ты где? (Кидается в туалет, из которого — сознает на бегу — только что сам вышел; заглядывает под кровать, ищет везде, где человеческое тело могло бы спрятаться.) ...И классики... (Мечется по сцене; целая пантомима, состоящая из бессмысленных, но общих в своей отчаянности порывов: нюхает исподнее, быстро перелистывает валяющийся томик, включает и выключает лампу, ощупывает стекло окна и т.п.) Туллий! Как же так. И Овидий. Овидий и Гораций. Пятнадцать минус два. Равняется тринадцати. Несчастливое число. Так я и знал. Что? Знал — что? Чисел больше нет. Причем тут числа! Причем тут числа! Туллия нет. Такой день пропускает. Что же я буду — с кем же я буду? Я же с ума сойду! На кого же ты меня, зараза, покинуууул. На кого же (Падает на колени.) ты меня оставил, а, (широко раскрывая рот.) а? — а? — а? Вот оно, надвигается на меня, вот оно, вот оно — Время-я-а-а-а. (Глаза полные ужаса, пятится в глубину сцены.) Больше же ничего-ооо не-ееет... (Пауза; спокойным тоном.) С другой стороны, кого-нибудь, конечно, поделят. Свято место пусто не бывает. И лучше бы молоденького... Ведь поделят. Не могут не подселить. Независимо от либералов сенатских. Ведь площадь пропадает. В конце концов, восемь квадратных метров на брата положено. Что же я с этим пространством делать буду, а? Кровать вторая... Чашка... тога лишняя... Туллий, как же это, а? Так это и будет выглядеть, когда меня тоже... когда я... «Ничего от них в итоге/ не осталось, кроме тоги...» Главное — чашка лишняя. Пустая. Туллий!!!!... Стоп. Может, это они просто показывают... В записи, конечно. Стереоскопическое, трехмерное — в газете было: изобрели. То-то он и не откликается. Потому что — в записи... (Внезапно хватая свой еще дымящийся кофейник и бежит через сцену к алькову Туллия, хватая пустую чашку, наливает в нее кофе и пьет.) Либо — либо — либо — это — ему — меня — показывают! В трансляции, конечно. Потому и не откликается. Стоп! Этого не может быть! (Хватается за виски.) Либо — либо это — накладка! Двойная экспозиция! Совмещение записей! или — записи с трансляцией! Что, собственно, и есть жизнь! То есть — реальность! Оттого и лучше, чем есть, быть стараешься. Живот втягиваешь... Но что же тогда — экран?! (Наливает кофе в свою чашку; пьет.) Или — это — запись — показывает — себя — трансляции. Что есть определение действительности. Формула реальности... В любом случае — как же ему все-таки удалось? (Приоткрывает дверцу мусоропровода, заглядывает вниз.) Туллий! Эгегегей!... В любом случае, если поделят, то лучше молоденького. Даже в случае записи... И чем раньше, тем лучше. (Снимает телефон, набирает номер.) И чем раньше, тем луч... Г-н Претор, это Публий Марцелл из

1750-го. Да, доброе утро. Г-н Претор, Туллий Варрон исчез. Да, не могу его найти. Предполагаю, что бежал. Да. Как? Известно? Вам известно!?! К-к-каким образом? Небось, телекамеры, да? Прямая трансляция... Ну да, так я вам и поверил: «ничего общего». Чтоооооо? Сам позвонил? С какой-такой улицы? С виа деи Фунари?! Но это... это же в двух шагах от Капитолия! Господин Претор, этот человек опасен... А? Как? Просил передать, что купил просо? Просо? *(Кричит.)* Какое просо!!!???... Какое просо, господин Претор!? Вы что? Рехнулись?... Как? Для канарейки? Мать честная! Где?! В заведении «Сельва»? Что — два кило? Извиняется, что только два кило? Что было только полсестерция? А-а-а-а!!! *(Хватается за голову.)* По дороге — куда? Домой???? Г-н Претор, что вы имеете в виду... Как? Возвращается?? Что значит — возвращается? Что значит успокоиться? А? Так точно... транквиви... транквилли... транкви-ли-затеры... Есть принять!.. Но он же... Что? Через пять минут? Если не раньше? Сразу после санобработки??? ...Есть запить водой...*(Вешает трубку.)* Ё-моё... Ё-моё... Ё-моё... Что же это, вброд-коня-купать, творится... *(Бессознательно шарит ладонью по пультам: там загорается имя-номер заказа: транквилизатор), затем из отверстия появляется коробочка с таблетками и стакан воды.)* ...С другой стороны... с другой стороны, могли и старика подселить. Никакой гарантии. Закон на всех распространяется... Хотя мальчика тоже могли... *(Спохватывается.)* Снотворное. *(Хватает флакон и начинает метаться по камере, ища, куда бы его спрятать.)* Найдет... здесь найдет... и здесь тоже... в книги... нет... Эврика! *(Кидается к алькову Туллия и прячет флакон ему под кровать. В этом положении и застаёт его Туллий, выходя из лифта.)*

Т у л л и й. Чего это ты там роешься?

П у б л и й. А это ты? *(С деланным спокойствием.)* Сандалий ищу. Я сандалий свой потерял.

Т у л л и й. Левый или правый?

П у б л и й. Правый. Хотя вообще они одинаковые.

Т у л л и й. Как и сами ноги. Как и сами ноги.

П у б л и й. Завтракал?

Т у л л и й. Да, с претором. Но от кофе не откажусь. *(Замечает остатки кофе в своей чашке.)* Это что такое? Кто пил из моей чашки!

П у б л и й. Я думал...

Т у л л и й. Обнаглел, мерзавец! И как быстро! Спал-то хоть в своей? Варвар паршивый.

П у б л и й. Я думал — не вернешься...

Т у л л и й. Да если б даже не вернулся!!! На кой тебе две чашки? Срач разводить? По помойке соскучился. Ностальжи де ля бю. Зов предков. Восточный базар. Мухи навозные. *(Споласкивает чашку в*

раковине.) Микробы.

П у б л и й. Расист... Я думал, не вернешься и, это, ну, как его, стосковался. Дай, думаю, из его чашки выпью. Может, думаю, еще Туллием пахнет.

Т у л л и й. Ну и? Чем же это таким Туллий пахнет?

П у б л и й (*взрываясь*). Ссакой! Канализацией и ссакой! Дерьмом! Чего ради ты вернулся, а? Ведь сбежал — нет? Рванул когти. На хрена — на хрена — на хрена — возвращаться было?!....

Т у л л и й. А снотворное?

П у б л и й. Что — снотворное?

Т у л л и й. Мы же поспорили.

П у б л и й. Ну?

Т у л л и й. И ты проиграл.

П у б л и й. Ну?

Т у л л и й. Потому и вернулся. а) Доказать, что ты проиграл. б) За снотворным.

П у б л и й. Ты сошел с ума! Ты сошел с ума! Как ты мог! Ведь сбежал! Не просто сбежал, а — из Башни! Был на свободе! Мог — куда угодно — и — и (*Не находит слов.*) променял свободу на снотворное!...

Т у л л и й. А тебе не приходило в голову, душка Публий, что снотворное — и есть свобода? И что наоборот тоже.

П у б л и й. Да пошел ты со своими парадоксами! Ведь сбежал! Ведь нашел же способ! И мне, зараза, не сказал!

Т у л л и й. Ну, ты б тоже со мной не поделился — будь ты на моем месте.

П у б л и й. Да. Но я бы и не вернулся! Из чего бы следовало, что возможность сбежать все-таки есть! А ты — ты сократил шансы! Минус еще один способ! Который был. А теперь его — нет.

Т у л л и й. Способ сбежать, Публий, всегда есть. А вот способ остаться... Побег — он что доказывает? Что система несовершенна. Тебя это, конечно, устраивает. Потому что ты, Публий, кто? — варвар. Потому что для тебя Претор — враг, Башня — узилище. И так далее. Для меня он — никто, она — ничто. И они — никто и ничто — должны быть совершенны. В противном случае, почему не вернуться к бараку.

П у б л и й. И то веселее.

Т у л л и й. Рано или поздно, все становится предметом ностальгии. Потому элегия и есть самый распространенный жанр.

П у б л и й. И эпитафия.

Т у л л и й. Да. В отличие от утопии. Говоря о которой — где мое снотворное?

П у б л и й. Мало ли где! Ты же вернулся. Сам, конечно; но это все равно, что поймали. Неважно, чем. Голыми руками или идеей. Идеи

они самые овчарки и есть!

Т у л л и й. Даже если и так, мы же поспорили. И ты проиграл. Я выиграл. За выигрышем и вернулся. *(Чеканя каждый слог.)* Где — мое — снотворное?

П у б л и й. Да почему я знаю. Да на свободе таблеток этих завались. Бесплатно дают — указ сенатский. Протяни руку и готово... Свобода и есть снотворное... Навалом... А ты...

Т у л л и й. Речь, Публий, шла не о вообще снотворном.

П у б л и й. То есть?

Т у л л и й. А о *твоем* снотворном.

П у б л и й. *(вздрагивает)*. То есть, о моей свободе?

Пауза.

Т у л л и й. Оставим громкие слова, Публий. Где флакончик-то?

П у б л и й. Где правый сандалий. У тебя под кроватью.

Т у л л и й. Гм. Хитро. *(Смотрит с интересом на Публия.)* Я б ни в жисть не догадался. *(Достает флакон из-под кровати и прячет его в складках тоги.)* Переоденусь пойду — промок весь. Льет, как из ведра.

П у б л и й *(бросая быстрый взгляд в окно, где — сияющий полдень)*. Но — сейчас лето, да?

Т у л л и й *(из-за ширмы)*. В Риме, Публий, всегда лето. Даже зимой.

П у б л и й *(снова глядя в окно)*. По крайней мере, утро сейчас, а? Часов, как говорили при христианстве, десять.

Т у л л и й. Утро, утро. Не волнуйся. С этим они еще дурака валять не научились.

П у б л и й. Не в их интересах. Я имею в виду — сокращать сутки.

Т у л л и й. Это почему же?

П у б л и й. Да потому что пожизненно. И удлинять не в их интересах тоже.

Т у л л и й *(задумчиво)*. Н-да, чревато эпосом. Ни больше, ни меньше. *(Выходит из-за ширмы, в свежевыглаженной тоге, направляется к столу, подливает себе кофе, достает из недр тоги сигару и разваливается на лежанке. Первое кольцо дыма.)*

П у б л и й. Не поделишься?

Т у л л и й. ?

П у б л и й. Ну, этим — как тебе это проверить удалось. Планом — и так далее. Теперь ведь все равно. Так сказать, постфактум.

Т у л л и й. Ты снотворным своим и постфактум бы не поделился.

П у б л и й. Да причем тут таблетки!? Мог же все забрать — пока я спал...

Т у л л и й (*четко и раздельно*). Я не вор, Публий. Я не вор. Даже ты из меня вора не сделаешь. Я — римлянин, а римляне не воруют. Я этот флакончик заработал. Понял? За-ра-бо-гал. Своим горбом. Причем, буквально.

П у б л и й. Подумаешь, горбом. Классиков в шахту покидал. Так и христиане делали.

Т у л л и й. Христианам легче было. Во-первых, шахты и были шахты. Им ведь — что им шахту может только показывают — сомневаться не приходилось. Во-вторых, не только покидал, но и сам последовал...

П у б л и й. На то они и классики. Властители умов... Словом, сам себе палач, сам себе мученик. И все из-за снотворного несчастного.

Т у л л и й. Что интересно (*Вертя в пальцах флакон с таблетками.*), это что именно он, флакончик этот (*Встряхивает таблетки.*), идею подсказал.

П у б л и й. То есть как! (*Вскакивает.*)

Т у л л и й. А так что это — цилиндр, и ствол шахты — цилиндр. Только длиннее. И не такой прозрачный. Хотя тоже узкий. Метра в диаметре не будет. Сантиметров 75, не больше. И стенки, зараза, очень скользкие.

П у б л и й. Смазаны, что ли?

Т у л л и й. Это; и еще от сырости. Плесень местами.

П у б л и й. Ну и?

Т у л л и й. Я и решил: не просто солдатиком, а матрац сначала туда засунуть, пополам сложенный. Он же, матрац этот, распрямиться захочет — то есть, застревать станет. Трение создаст. Чего, если солдатиком лететь, может и не случиться...

П у б л и й. Это точно.

Т у л л и й. Так мы вместе вниз и поехали. Ускорение как возникает — матрац к стенке ствола ногой прижимаешь. Вроде как тормозишь...

П у б л и й. Долго заняло?

Т у л л и й. Примерно как — э-э — по-большому сходить. Или если душ принимаешь. Хотя пахло, как по-большому. И темно.

П у б л и й. А потом?

Т у л л и й. Потом — сечка, классиками разрушенная. Потом — клоака: катакомбы бывшие. И тебя в Тибр сбрасывает... Потом поплыл.

П у б л и й. Когда мы в Лептис Магне когортой стояли...

Т у л л и й. Публий! умоляю...

П у б л и й. Да нет; просто у меня лавровый венок по плаванию был... Э-э, да чего там. (*Машет рукой.*) Они там сейчас, поди, похуже прежней сечку заделают. Электронную. Либо лазерную. По последнему слову...

Т у л л и й. Ага — распылители. Элементарные частицы... С другой стороны: мы у них тоже не одни. Ресторан все-таки... Опять же антенны телевизионные. Другие камеры. Может быть, даже ПВО. Отходов-то сколько.

П у б л и й. А где, думаешь, у них кухня? Под или над нами?

Т у л л и й. Под, наверное. Все равно же продуктам, в итоге, вниз канать, да. А так у них шанс подняться имеется. На мир взглянуть.

П у б л и й (*тоскливо*). Мир лучше вблизи рассматривать... Чем ближе, знаешь, тем чувства сильнее обостряются.

Т у л л и й. Только обоняние... Если ты по миру так стосковался, я могу и не спускать после себя в уборной.

П у б л и й. Острослов. Думаешь, есть какая-то разница? После тебя, то есть? Этих-то (*С внезапной надеждой в голосе, тыча пальцем в два оставшихся бюста.*), их-то ты — зачем оставил?

Т у л л и й (*качая головой*). Нет, не за этим... Просто на развод, на племя... Большая личная привязанность. С детства Назона любил. Знаешь как «Метаморфозы» кончаются?

Вот завершился мой труд, и его ни Юпитера злоба/ не уничтожит, ни медь, ни огонь, ни алчная старость./
Всюду меня на земле, где б власть ни раскинулась Рима,/ будут народы читать; и на вечные веки во славе
(ежели только певцов предчувствиям верить) — пребуду./

П у б л и й. Да положить я хотел на «Метаморфозы»..!

Т у л л и й (*продолжая*). Обрати внимание на оговорку эту: про предчувствия. Да еще — певцов. Вишь, понесло его вроде: «...и на вечные веки во славе...» Так нет: останавливается, рубит, так сказать, сук, сидючи на коем, распелся: «ежели только певцов предчувствиям верить» — и только потом: «пребуду». Завидная все-таки трезвость.

П у б л и й (*с отчаянием*). Да какое это имеет отношение?! Ты — про предчувствия, а они — новую сечку устанавливают! Это и есть предчувствие!

Т у л л и й. А то отношение, что он прав оказался. Действительно «на веки вечные» и действительно «во славе». А почему? Потому что сомневался. Это «ежели только певцов предчувствиям верить» — от сомнения. Потому что у него тоже впереди ничего, кроме «вечных веков» не было. Кроме Времени, то есть. Потому что тоже на краю пространства оказался — когда его, пацана твоего тезка, Октавиан Август, из Рима попер. Только он на горизонтальном краю был, а мы — на вертикальном... «Всюду меня на земле, где б власть ни раскинулась Рима...» Что да, то да: раскинулась. Все-таки тыща почти метров над уровнем моря. Да еще две тыщи лет спустя... А если их еще перемножить... Этого он, конечно, не предполагал — что его в

разреженном воздухе читать будут.

П у б л и й. Что значит быть классиком!

Т у л л и й. Осел ты, Публий; осел, а не варвар. Верней — варвар и его осел. ... Как сказано — у поэта. Про другого поэта... Классик классиком становится, Публий, из-за времени. Не того, которое после его смерти проходит, а того, которое для него и при жизни и потом — одно. И одно оно для него, заметь, уже при жизни. Потому что поэт — он всегда дело со временем имеет. Молодой или старый — все равно. Даже когда про пространство сочиняет. Потому что песня — она что? Она — реорганизованное Время... Любая. Даже птичкина. Потому что звук — или там нота — он секунду занимает, и другой звук секунду занимает. Звуки, они, допустим, разные, а секунды — они всегда те же. Но из-за звуков, Публий, — из-за звуков и секунды становятся разными. Спроси канарейку свою — ты же с ней разговариваешь. Думаешь, она о чем поет? о Времени. И когда не поет — тоже о Времени.

П у б л и й. Я думал — просто жрать хочется. Когда поет — надеется. Не поет — бросила.

Т у л л и й. Кстати, я тут ей проса достал.. Два кг. Больше денег не было.

П у б л и й. Знаю. На виа деи Фунари купил.

Т у л л и й. Ага, в «Сельве». Откуда ты знаешь?

П у б л и й. Претор сказал... Это где эта стела, на которой «Мemento Моро» написано?

Т у л л и й. Ага. Я там гетеру одну когда-то знал. Совершенная прелесть была. Брюнетка, глаза как шмели мохнатые. Своих павлинов держала. Грамоте знала; с богдыханом китайским была знакома... Откупщик ее, за которого она потом своим чередом замуж вышла, эту «Сельву» и открыл — птичьим кормом чтоб торговала, при деле была. Скотина он был порядочная, с мечом за мной по всему Форуму гонялся...

П у б л и й. Звучит элегически.

Т у л л и й. Это от избытка глаголов прошедшего времени.

Пауза.

Пофехтуем?

П у б л и й. С утра пораньше? Как сказала девушка легионеру.

Т у л л и й. Именно. Размяться. Кровь разогнать... Взвешивался сегодня?

П у б л и й. Нет еще. Но вчера — да. Та же самая история: полнею. Почему это, интересно, прибавить гораздо проще, чем потерять? Теоретически, должно быть одинаково просто. Либо одинаково сложно. (*Встает и подходит к пульту.*) Мечи или кинжалы?

Т у л л и й. Мечи. А то у тебя изо рта.

П у б л и й. У меня только пахнет. У тебя вываливается... Парфянские или греческие?

Т у л л и й. Греческие.

П у б л и й (*нажимая на кнопки пульта, где появляется текст заказа*). Что все-таки природа хочет сказать этим? Что увеличиваться в объеме — естественней, чем уменьшаться?

Появляются мечи; Публий и Туллий разбирают их, продолжая беседовать.

И — до каких пределов? То есть, с одной стороны, когда развиваешься — из мальчика в мужа — то увеличиваешься. На протяжении лет примерно двадцати-тридцати. И — возникает инерция. Но почему именно живот? Оттого что вперед двигаешься, что ли?.. С другой стороны — куда двигаешься-то? Известно, куда. Где он вообще не понадобится. Ни его отсутствие. На том-то свете...

Т у л л и й (*примеряясь к мечу*). Может, чем больше объем, тем подольше на этом удержишься. Гнить, по крайней мере, дольше будешь. Распад, Публий, тоже форма присутствия.

П у б л и й. Да — если не кремируют. От претора, конечно, зависит... Начали! До первой крови.

Т у л л и й. До первой крови.

Фехтуют.

П у б л и й. Но если увеличиваться (*Выпад.*) естественно, то уменьшаться (*Отскок.*) — искусственно.

Т у л л и й. А что плохого в искусственном? (*Выпад.*) Все искусственное естественно. (*Еще выпад.*) Точней, искусственное начинается там, где естественное (*Отскок.*) кончается.

П у б л и й. А где кончается (*Выпад.*) искусственное?

Т у л л и й. Весь ужас в том, Публий (*Контрвыпад.*), что искусственное нигде не кончается. Естественное естественно и кончается. (*Теснит Публия к его алькову.*) То есть становится искусственным. А искусственное не кончается (*Выпад.*) нигде (*еще выпад*), никогда (*Еще выпад.*), ни под каким видом. (*Публий падает в альков.*) Потому что за ним ничего не следует. И, как сказано у поэта,

это хуже, чем детям
сделанное бобо.

Потому что за этим
не следует ничего.

П у б л и й. У какого поэта?

Т у л л и й. У восточного.

П у б л и й. Может, искусственное, если долго продолжает быть искусственным, в конце концов становится естественным. Яичко-то становится курочкой. А ведь, глядя со стороны, ни за что не скажешь. Изнутри — тоже вряд ли. Потому что искусственным выглядит... Мне всегда казалось, Туллий, на яичко глядя, — особенно утром, когда разбиваешь, чтоб глазунью сделать — что существовала некогда цивилизация, наладившая выпуск консервов органическим способом...

Т у л л и й. В этом смысле мы все — консервы. Чья-то будущая яичница. Если, конечно, не кремируют. Меч возьми.

П у б л и й (*нехотя выбирается из алькова*). Отяжелел я. Вот в Ливии, помню... (*Внезапно в сердцах*.) Да на кой ляд эту форму поддерживать! Худеть! Особенно — если чья-то будущая яичница... Либо если кремируют... Да и тебе же лучше: чем я толще, тем больше пространства занимаю. Тем больше тебе времени этого твоего остается... Ведь всем все равно, с тебя начиная, есть ли Публий Марцелл, нет ли его. И если даже есть, какое кому дело, как он выглядит. Кого это интересует? Богов? Природу? Цезаря? Кого?.. Богам вообще на все положить. Цезарю — тоже. В этом смысле он — точно помазанник ихний. Природе?.. Безразличны ли природе очертания дерева?

Т у л л и й. Похоже на тему для диспута.

П у б л и й. Я думаю, природе на силуэт дерева накласть! Хотя оно его четыре раза в году меняет. Но в этом-то безразличие и сказывается. Пресыщенность. Листики обдирает... А у него, может, только и есть, что листики. Оно, может, всю дорогу только тем и занято было, что их пересчитывало. Денежку свою зелененькую золотую... И — раз...

Т у л л и й. Ну, распустил сопли. Меч, говорю, возьми... И вообще — вечно-зеленые тоже есть. Лавр, допустим. Хвоя. И так далее.

П у б л и й. Меч я, допустим, могу взять. Дальше что? Скрестим мы их. Разойдемся. Выпад, контрвыпад дистанция... Дальше что? Устанем. Дальше что? Ты выиграешь — я проиграю. Или наоборот. Какая разница? Кто этот поединок увидит? Даже если я тебя убью — или наоборот. Хотя мы договорились. До первой крови. Но — кто это увидит? Кто это добро смотреть станет? Тем более в прямой трансляции. Даже претор не будет. Претор это в записи посмотрит и, если смертоубийства нет, еще неровен час, запись сотрет. В конце рабочего дня. Не потому что пленки жалко или бобины тоже смазывать надо: потому что сюжета нет.

Т у л л и й. Нет. Они пишут все без разбору. Стирать им декретом запрещено. Мало ли — можно почерк преступника установить. Даже если преступление и не совершено. Все равно — почерк. Возможного преступника. Чтоб раскрыть возможное преступление. Что есть

формула реальности... Так что сюжет есть, Публий. Сюжет всегда возникает независимо от автора. Больше того — независимо от действующих лиц. От актера. От публики. Потому что подлинная аудитория — не они. Не партер и галерка. Они тоже действующие лица. Верней, бездействующие. У нас один зритель — Время. Так что — пофехтуем.

П у б л и й (*нехотя беря меч*). Ну, от этого зрителя аплодисментов хрен дождешься. Даже если выиграешь. Тем более, если проиграешь. Гарде.

Фехтуют.

Т у л л и й. Потому что выигрыш (*Выпад.*) — мелодрама и проигрыш (*Снова выпад.*) — мелодрама. (*Отступая под натиском Публия.*) Побег — мелодрама, самоубийство — тоже. Время, Публий, большой стилист... (*Наступает.*)

П у б л и й. Что же (*Защищаясь.*) не мелодрама?

Т у л л и й. А вот (*Выпад.*) — фехтование. (*Отступает назад.*) Вот это движение — взад-вперед по сцене. Наподобие маятника. Все, что тона не повышает... Это и есть искусство... Все, что не жизни подражает, а тик-так делает... Все, что монотонно... и петухом не кричит... Чем монотонней, тем больше на правду похоже.

П у б л и й (*бросая меч*). Гуше; но так можно махать до светопреставления.

Т у л л и й (*продолжая еще некоторое время прodelывать соответствующие движения мечом*). И во время оно. И после. И после-после-после-после... До первой крови. До второй. До последней-капли-крови... Вот — почему — люди — воюют... Уфф... Мы ж договаривались: до первой...

П у б л и й. Ты мне колено задел.

Т у л л и й. Ох, прости. Не заметил. Надеюсь, несерьезно.

П у б л и й. Пустяки. Царапина. Как сказал лев гладиатору...

Т у л л и й. Вата и йод в аптечке. Перевяжи... Пойду душ приму, потный весь.

П у б л и й (*задумчиво*). Не-е, пусть сочтется. По крайней мере, доказывает, что — еще не статуя. Не из мрамора. Что — не классик. Поскольку есть колено. Вполне — в своем роде — классическое. Не хуже, чем у «Бдения Алкивиада». Хотя видел только копию. Или — «Дискобола». Тоже копия. И там не колено главное... Все равно — классическое. Таким коленом наместники местных царьков давят. На мокром полу мраморной купальни. На своей загородной вилле. Вечер лилового цвета... Светильники в нишах трепещут, масло плавится. Пальмы кронами перешептываются, как ожившие иероглифы. И царек, сучара, на мокром полу извивается, воздух ртом

ловит. Не-е, хорошее колено. Римское, Что бы там Туллий ни наговаривал на пленку... Пусть сочтется... пусть. И даже еще расковыряю (*Берет меч и, морщась, надрезает кожу; после этого выдавливает пальцами из надреза кровь. За этим занятием — надрезыванием и выдавливанием — и застаёт его выходящий из душа Туллий. Некоторое время он наблюдает за Публием: потом делает шаг к нему.*)

Туллий. Ты что?! Совсем охренел!? Прекрати сию же минуту! Варвар, мать твою! Дикарь! Где вата?

Публий (*поднимая глаза, в которых слезы*). С легким паром, Туллий.

Туллий. Идиот недоделанный! (*Кидается к аптечке, достает йод и вату и бросается назад.*) Вспомнил свои азиатские штучки. Сколько волка ни корми... (*Наклоняется к Публию, чтоб перевязать колено.*) Люди на Канопус высаживаются, а тут...

Публий (*отмахивается*). Оставь меня в покое! Не трогай.

Туллий. Ну да. Сейчас мы впадем в транс. Начнем раскачиваться. Знак себе на лбу нарисуем. И споем что-нибудь лишенное текста. Так, да? (*Снова наклоняется к Публию.*) Дай ногу, не дури!

Публий. Отойди, говорю. (*Делает угрожающий жест мечом.*) Оставь меня в покое. Не трогай. Пусть сочтется...

Туллий. Да прекрати ты этот...

Публий. Пускай сочтется. Она, может, единственное доказательство, у меня оставшееся, что я действительно жив. А ты ее остановить хочешь. На кого ты работаешь?

Туллий. Ты... по-моему... сошел с ума.

Публий. Телекамеры эти вокруг. Всех подозревать начинаешь. Почему я знаю что ты не робот. С камерой встроенной. Вживленной органически. Может, даже помимо твоей воли. Еще при Тиберии эксперименты начали. Я читал. На зайчиках. Тем более — вернулся. Тогда и вживили... Пускай сочтется. По крайней мере, хоть буду знать, что сам — не робот. А то сомневаться начал... может, все — все — тебя включая — на пленку записано. И мне показывают. Стереоскопически. Включая запахи. Как сад и лебеди. Или берег моря. Потому и декорация одна и та же: бюджет ограниченный. Или — классицизм. Три единства блюдут. И почему бы и нет. Если между классицизмом и натурализмом выбирать, я бы и сам классицизм выбрал. И почему отказывать компьютеру в снобизме? Снобизм тоже форма отчаянья, в конце концов, классицизм в него запрограммирован. Не с потолка взялся. И говоря о потолке, Туллий, смотрю я на него и не знаю: я ли на него смотрю — или он на меня смотрит...

Туллий. Чего ты городишь.

П у б л и й. Весь вопрос в том, на кого ты работаешь... Что я на него с смотрю, это и ежу ясно. Что он на меня... но если да, если он осуществляет за мной наблюдение — то он мне больше внимания уделяет, чем я ему. И кто тогда здесь одушевленный объект?.. Конечно, если ты не робот, то тогда внимание его расплывается... Нет, пусть сочтется... Он этого еще не видел. Что-то новенькое...

Т у л л и й. Перевяжи, говорю. Смотреть противно.

П у б л и й. Значит — не робот... Хотя, с другой стороны, я бы тоже трещины в потолке забдел..! Трещина-то не записана. Только возможность катастрофы отличает реальность от фикции.

Т у л л и й. Мелодрама. У всех варваров врожденное чувство мелодрамы.

П у б л и й (*кричит*). Должен же я знать место, в котором умру!!!

Т у л л и й. А-а-а... вон оно что. (*Кидает Публию бинты и вату.*) На, перевяжи. (*Отходит к окну: начинает, глядя в окно, говорить, но потом спохватывается и поворачивается сначала лицом, потом — спиной к публике. Когда он стоит спиной, он как бы подпирает воображаемую стену, которой служит рампа.*) Люди, Публий... люди делятся на тех, для которых важно — где, и на тех, для которых важно — когда... Есть еще, конечно, третья группа. Для которых важно — как. Но это — как правило — молоденькие, и они не в счет.

П у б л и й. Да кто ты такой!? Откуда ты знаешь, на кого люди делятся?

Т у л л и й. Только на эти две категории. Сам... э-э-э... процесс обуславливает их количество. Так сказать, ограничивает выбор. И их только две.

П у б л и й. Ну да; и я, ясное дело, выбрал неправильно. Облажался. И то: хрен ли мудрить: раз пожизненно — то где еще? Как не в этих четырех... тьфу... в этом... как его?..

Т у л л и й. Пи-Эр-квадрате?

П у б л и й. Во-во. В Пи-Эр-квадрате. В своей кровати. При всеобщем обозрении. На миру и смерть красна... Это самая большая порнография и есть — это показывать. Это — и еще роды. Потому что это всегда не ты. Даже когда свои собственные роды потоммотришь. В записи. Все равно — не ты.

Т у л л и й (*достает с полки «Свод Законов»*). Буква «П»... так... «Порнография». Всякий неодушевленный предмет, вызывающий эрекцию...» Вот что говорит по этому поводу Тиберий.

П у б л и й. Да что ты мне этого кретина все время в нос тычешь!? Тиберий то, Тиберий се. Прямо как христиане со своим... как его... неважно, только тридцать три года ему и было... Что он знал?.. А если тебе под сорок — тогда как? или под пятьдесят?.. На этом и погорели... Тиберий... Неодушевленный предмет... Эрекция... Самая большая эрекция — это когда не ты умираешь...

Т у л л и й. Н-да, будь я последним человеком на земле...

П у б л и й. ... у тебя бы стоял, как эта Башня... С другой стороны, зачем отказывать ближнему в удовольствии. Пускай записывают. Или транслируют. Может, последнюю фразу удачно скажу... В конце концов, Туллий, я против всего этого (*делает широкий жест рукой.*) Пи-Эр-квадрата не возражаю. Клаустрофобия, конечно, разыгрывается, как подумаешь, что именно здесь... И сбежать хочется не столько отсюда как места жизни, как отсюда как места смерти... То есть, я, Туллий, не против смерти — не пойми меня превратно. И я не *против* Башни и не *за* свободу... Свобода, может, и не лучше Башни, кто знает... я не помню... Но свобода есть вариация на тему смерти. На тему места, где это случится. Иными словами, на тему гроба... А то здесь гроб уже — вот он. Неизвестно только — когда. Где — это ясно. Ясность меня, Туллий, как раз и пугает. Других — неизвестность. А меня — ясность.

Т у л л и й. Да что плохого в этом помещении... Ну, перебрали, наверно, малость со скрытыми камерами. Так это только со свободой сходство усиливает... К тому же, кто знает, может, ты и прав. Может, и вправду нам все это просто показывают. И скорей всего — в записи. Вполне возможно, что все это суть условность. Будь это реальностью, не вызывало б столько эмоций.

П у б л и й. Тут я и умру — реальность это или условность...

Т у л л и й. Это и есть недостаток пространства, Публий, это и есть... Главный, я бы сказал... Что в нем существует место, в котором нас не станет... Потому, видать, ему столько внимания и уделяют.

П у б л и й. Ну у Времени тоже такие места есть. Сколько влезет...

Т у л л и й (*назидательно*). У Времени, Публий, есть все, кроме места. Особенно, с тех пор, как числа отменили... А пространство... любая его точка может стать... Поэтому его так и живописуют. Все эти пейзажи и ландшафты. Этюды с натуры. Чистое подсознание... Со временем этот номер не проходит... Так, разве что портрет там, или натюрморт...

П у б л и й. И тебе все равно — где?

Т у л л и й. Мне все равно — где, и мне все равно — когда.

П у б л и й. Вот они, римские доблести! Стойкость патрициев! Муции Сцеволы! Руки жареные! Если тебя не интересует ни где, ни когда — что же тебя интересует? Как?

Т у л л и й. Меня интересует — сколько.

П у б л и й. Сколько — чего?

Т у л л и й. Сколько часов бодрствования представляют собой минимум, необходимый компьютеру, для определения моего состояния как бытия. То есть, что я — жив. И сколько таблеток я должен одновременно принять, дабы обеспечить этот минимум?

П у б л и й. ???

Т у л л и й. Не пойми меня превратно. Дело не в том, что мне надоело с тобой разговаривать. Хотя отчасти да. И не в том, что я не спал всю ночь. Что тоже правда. Просто действительно хочется уподобиться Времени. То есть, его ритму. Поскольку я не поэт и не могу создать новый... Единственное, что я хотел бы попытаться — сделать свое бытие чуть монотонней. Менее мелодраматичным. Больше на *зрителя* рассчитанным... Грубо говоря — спать больше. Восемь часов сна, шестнадцать бодрствования: эту версию Времени я знаю. Может, это можно переиграть.

П у б л и й (*ошеломленный всем услышанным*). То есть как?!

Т у л л и й. Скажем, шестнадцать сна и восемь бодрствования. Или восемнадцать сна, шесть бодрствования. Чем меньше бодрствования, тем больше сна — и тем интересней версия Времени. Пространство — оно, вишь, Публий, всегда одинаковое — горизонтальное. А Время... Я уже пытался кое-что. Ну, там спать днем, не спать ночью. Или бдеть трое суток подряд и наоборот. Но во-первых, в этих условиях (*Кивает на окно.*) дополнительная энергия расходуется на определение дня и ночи. Да и сутки просто так не измеришь. А во-вторых — и это беспокоит меня сильнее всего — есть некий минимум бодрствования, после несоблюдения которого компьютер прекращает подачу пищи. И тогда придется выпрашивать у тебя. Скорей всего, менять на снотворное. Что испортило бы весь замысел. Не говоря уже о том, что вступили бы в отношения, не предусмотренные Тиберием при организации Башни, и, скорее всего, неприятные нам самим...

П у б л и й (*быстро*). Что ты имеешь в виду под «неприятными»?

Т у л л и й. Ну, там меновая торговля, воровство, подозрения, доносы Претору... ты же жил в Риме... И пока бы я объяснил Претору, в чем дело, и пока бы он согласился поверить...

П у б л и й. Может, Претора и спросить, сколько таблеток тебе можно?

Т у л л и й. Что ты! Что ты! (*Шепотом, поднося палец к губам.*) Я же не имею права на снотворное больше. Я же свое выбрал еще в прошлом месяце... Нет, никто ничего знать не должен... Тайна... В конце концов, если поэт интересуется Временем профессионально, то я — любительски. А любитель действует по наитию... Вот ты, например, — сколько ты на ночь принимаешь?

П у б л и й. Две, две-с-половиной. Три.

Т у л л и й. Значит так, — три таблетки — восемь часов сна. Шестнадцать часов, стало быть, равняется — шести таблеткам. Запомним: шестнадцать — шести. То есть, шесть — шестнадцати. Допустим, нам нужно семнадцать часов. Чтоб получить семнадцать, надо увеличить дозу с шести на — сколько? Стоп. Делим 16 на 6. То есть, часы на таблетки. В итоге получаем... Стоп. Вздор. Делим

таблетки на часы. Шесть на шестнадцать. Получаем, прежде всего, дробь. Публий, ты следишь за ходом мысли?

П у б л и й. С завистью и с восхищением.

Т у л л и й. Погоди, то ли еще будет. Значит, дробь плюс... Сбился. В общем даже если четными оперировать, то получается: одна таблетка равна четырем часам сна. Ничего себе таблеточка! Дает! Значит, одна четверть таблетки равна часу сна. Значит, если мы хотим придавить 17 часов, нам надо... нам надо... штук семь с хвостиком... Так что ли (*Неуверенно*)... Нам надо...

П у б л и й. Да, на кой тебе Время? Сроку, что ли не хватает? Ведь — пожизненно.

Т у л л и й. В том-то и дело, друг Публий, что пожизненно переходит в посмертно. И если это так, то и посмертно переходит в пожизненно... То есть, при жизни существует возможность узнать, как будет там... И римлянин такой шанс упускать не должен.

П у б л и й. Подглядеть значит?..

Т у л л и й (*почти кричит*). Оно же — подглядывает!..

П у б л и й. Подсмотреть. Через дырочку...

Т у л л и й. В известном смысле. Но — не глядя. С закрытыми глазами. В горизонтальном положении.

П у б л и й. Когда мы когортой в Галлии стояли...

Т у л л и й. Публий! Умоляю! Ради всего святого...

П у б л и й.я одного грека знал. До чего был предприимчивый. Домами торговал. И был у него один дом. Шести-или восьмизэтажный — не помню. Нормальные семьи жили. Муж, жена, ребенок. Так он что, бестия, придумал? Он им вместо лампочек миниатюрные телекамеры вкрутил. За три сестерция можно было целый час семейную жизнь наблюдать. Совокупление, то есть. Весь цимес был именно в том, что сегодня они могли решить не делать этого... И плакали твои сестерции. А могли и наоборот...

Т у л л и й. Чего ради ты мне это рассказываешь?

П у б л и й. Очереди к нему стояли! Потому что — элемент вероятности. Это, знаешь, как распалает! И особенно, если у них ребенок... И они его сначала спать укладывают... Или он среди дела просыпается... и вякать заводится. Что ты!.. И она, уже на полном взводе, со станка слезает и в детскую канает... И особенно, если блондинка... И потом возвращается, а у него эта вещь...

Т у л л и й. Прекрати, я сказал!

П у б л и й. Колоссально он заработал, грек этот. Целую сеть потом открыл. «Аргус» компания называлась. Не слышал?

Т у л л и й. Нет.

П у б л и й. Значит, своим умом дошел.

Т у л л и й (*пересчитывая таблетки во флаконе*). В старые добрые времена, Публий, таким, как ты, язык выдирали, уши

обрезали и глаза выкалывали. Или кожу живьем сдирали. Или кастрировали... может, я только потому и терплю все это, что казнить уже наказанного — во-первых, камерой, во-вторых, тем, как твои мозги устроены, — получается тавтология. Театр в театре.

П у б л и й. Или как есля тебе в собаچه дерьмо ступить... (Прикладывает ладонь к животу). Полдник скоро.

Т у л л и й. Пойду лягу. Все-таки ночь не спал. (Пересчитывает таблетки.) Спать, спать... Не съдай мою порцию, а... Что у нас сегодня?.. Паштет из голубиной печенки и... форель с яйцами аиста... Н-да, наконец-то рыба... Яйца, по крайней мере, оставь... позавтракать... Возьму для верности (Высыпает на ладонь.) восемь (Наливает вина в бокал; глотает снотворное и запивает.)

П у б л и й. Не уходи, постой... Что же я-то — делать буду? Шестнадцать часов подряд.

Т у л л и й. Семнадцать.

П у б л и й. Тем более! Ты обо мне подумал? Эгоист! Патриций! Все вы такие! За это вас и не любят... Что я-то делать буду? На меня-то тебе наплевать, да?

Т у л л и й. Не ори! Телик посмотришь. Музыка опять же. Прогулка потом. Книжки... Вон классиков этих почитай... Классика вообще приятней читать, когда знаешь, как он выглядел...

П у б л и й. Да с кем же я разговаривать буду?! Вслух, что ли. Да я ж... Семнадцать часов. Один. Да это ж с ума сойти... Да я ж не выдержу...

Т у л л и й. Да чего там выдерживать, о чем ты толкуешь... (Зевает.) Наоборот — в покое тебя оставлю... (Зевает.) А когда проснусь, расскажу, чего видел... про Время... там тоже показывают... (Зевает.)

П у б л и й. Не зевай!.. (Хватает Туллия за полутюги.) Постой!.. не ложись еще... Как же так... (Хватается за голову)... один, в этом Пи-Эр-квадрате... как точка, циркулем обведенная... Да что ж ты, подлец, делаешь... Будто я не человек... Не зевай!!! Ой, у меня голова сейчас лопнет. Ты что — не понимаешь?!...

Т у л л и й (широко зевая). Человек, Публий... Человек (Зевает опять.), ну что в человеке особенного... (Зевает.) Отвернись.

П у б л и й. Зачем?

Т у л л и й. Снотворное спрятать. И переодеться.

П у б л и й (отворачивается). Я бы и так не взял... Только не долго.

Т у л л и й (зевая). Щас...щас... (Прячет таблетки в клетку с канарейкой.) щас, щас. (Возвращается в альков.) Так, где моя (Зевая.) тога?.. шерстяная которая...

П у б л и й (оборачивается). Лучше белую возьми.

Т у л л и й. Просили же тебя отвернуться. Переодеваюсь я...

П у б л и й. Я только так... глазами помазать... Зачем ты эту берешь? Возьми белую.

Т у л л и й (*зевая, почти голый*). Нет, серая лучше... Больше на Время похоже. Оно же, Публий, (*Зевает.*) серого цвета... как небо на севере... или там волны... (*Зевает; широко разворачивает тогу.*) Видишь?.. Так Время и выглядит... или (*складывает ее пополам.*) так... Или — так (*Складывает по-другому.*)... Серая тряпочка. (*Заворачивается в тогу и ложится.*)

Пауза.

П у б л и й. Как же так. Я же не буду знать, сколько времени прошло. Ведь песочные часы тоже отменили.

Т у л л и й. Не волнуйся. Я сам проснусь. Когда семнадцать часов пройдет. (*Зевает.*) Это и будет означать, что семнадцать часов прошло... когда проснусь...

П у б л и й. Как же так...

Пауза.

Т у л л и й. Публий.

П у б л и й. А?

Т у л л и й. Сделай мне одолжение.

П у б л и й. Чего?

Т у л л и й. Пододвинь ко мне поближе Горация.

Публий передвигает бюст.

Ага. Спасибо. И О- (*Зевает.*)-видия.

П у б л и й (*ворочая бюст Овидия*). Так?

Т у л л и й. Ага... чуть поближе...

П у б л и й. Так?

Т у л л и й. Еще ближе...

П у б л и й. Классики... Классик тебе ближе, чем простой человек...

Т у л л и й (*зевая*). Чем кто?

П у б л и й. Чем простой человек...

Т у л л и й. А?.. Человек?.. Человек, Публий... (*Зевает.*) Человек одинок... (*Зевает опять.*)... как мысль, которая забывается.

Занавес.

Книги И. Бродского

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ (1965)

ОСТАНОВКА В ПУСТЫНЕ (1970)

КОНЕЦ ПРЕКРАСНОЙ ЭПОХИ (1977)

ЧАСТЬ РЕЧИ (1977)

НОВЫЕ СТАНСЫ К АВГУСТЕ (1983)